

A black and white illustration of a fantastical scene. At the top, a long, thin creature with a segmented body and multiple limbs is shown. Below it, a large, complex structure resembling a building or a machine is depicted. To the right, a group of figures with long, thin bodies and raised arms stands. The scene is set against a dark background with a large, curved line at the bottom. In the top right corner, there is a circular icon containing the text '18+'.

18+

Артур Кинк

Тайна лечебницы Отектвуд

Артур Кинк

Тайна лечебницы Отектвуд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кинк А.

Тайна лечебницы Отелтвуд / А. Кинк — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Содержит сцены насилия, предназначена для лиц старше 18 лет. Иллюстрации и обложка романа принадлежат автору. Психиатрическая лечебница Отелтвуд, в деревенском городке, на востоке Алабамы, имеет историю в сто пятьдесят семь лет. Как она связаны с угольными рудниками, первыми индейскими резервациями и мистическими событиями, происходящими в городе? В этом предстоит разобраться будущему доктору, студенту Кори Лоусону. И постараться не сойти с ума.

© Кинк А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Дереализация	5
Гипомания	10
Истерия	17
Энцефалопатия	28
Сомнобулия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дереализация

Нью-Йорк, Нью-Йорк 1:40 р.т.

– ... Нездоровая подозрительность, мнительность без прогрессирующего изменения и деградации личности. Страдающих паранойей так же отличает логичность мышления, отсутствие апатии, абулии и нарушения восприятия. За исключением параноидального изменения личности. Данное заболевание возникает, как правило после сорока у мужчин и в климактерический период у женщин. Но это устаревшая статистика. В нашем веке молодеют все заболевания, не только соматические, но и психические. Термин паранойя был введен в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, немецким психиатром Карлом Кальбаумом. Мистер Лоусон, может встанете и продолжите лекцию вместо меня, раз вам так не терпится поболтать? – профессор Хоуп отложил бумаги и гневно посмотрел на провинившегося студента.

Тишина в аудитории нарушилась смешками и скрипом стульев. Ботаника и зануду Кори Лоусона отчитывают за болтовню. Событие достойное быть запечатленным на видео.

Кори Лоусон встал, едва не уронив стул, поправил свои очки и заговорил:

– Как самостоятельную форму болезни, паранойю впервые описал Эмиль Крепелин, так же немецкий психиатр. Паранойи бывают нескольких форм. Среди них выделяют: алкогольную, или алкогольный параноид, инволюционную, мегаломанную, она же паранойя величия, персекуторную, сенильную и эротическую.

После слова «эротическая» аудиторию вновь захлестнул приступ веселья. Кори вздохнул. Эти люди уже четыре года отучились в медицинской школе, но все еще потешаются над изображениями гениталий в учебнике анатомии. «Сексуальная неграмотность», как бы сказала его сестра, но и она сейчас заливалась смехом вместе с остальными.

– Садитесь, – разрешил профессор и тоже расплылся в доброй старческой улыбке. – А вы мисс Лоусон, брали бы пример с брата. Ваш курс попадает под аккредитацию со следующего года. И будь вы хирургами, я бы сейчас отчитал вас, написал бы замечание всей группе и оставил на дополнительные лекции. Но к моему счастью, скальпели в руки вы не возьмете. Поэтому занятие окончено. Хороших каникул, не забудьте сдать учебники.

Профессор желал ученикам чего-то еще, но с громким воплем: «До свидания, профессор Хоуп!», толпа понеслась из аудитории как ветер.

Каникулы. Как много включало в себя это слово в детстве. Это билеты в Мэриленд к бабушке и дедушке, это Рейчел, вываливающая тетради из своего большого розового портфеля в мусорный бак у школы. Это жара и обливания из водяного пистолета. Это чтение до утра с фонариком под одеялом. Это...

– Чух, чух! Пассажиры Рейчел и Кори Лоунсон. Закончилась регистрация на рейс школа Маунт-Синай – Пьянбург! Всех трезвых пассажиров просим скорее исправить это, иначе они будут выброшены без парашютов. – Рейчел со всей силы ударила брата по спине, обежала вокруг, раскрыла свою сумочку и вывалила свои конспекты в мусорку. Прямо как в средней школе.

– Рей-Рей, ты же знаешь, я решил сразу преступить к практике. Мне нужно собрать чемодан, купить лекарств в дорогу.

Рейчел надула губы, будто маленькая девочка.

Не похожи ни внешностью, ни характерами. Кори нескладный очкастый заучка, а его сестра одна из красоток факультета. Но никогда это не мешало им быть вместе. Кори показывал сестре препарированную лягушку, найденную в пруду, а Рейчел тащила его играть в бейсбол во дворе. Кори показывал ей «секретные материалы» на кассетах, Рейчел научила брата курить, сворованный у дедушки мальборо. Кори водил сестру на семинары по психиатрии, сестра его на шумные вечеринки, где играют в бирпонг, и впервые занимаются сексом в туалете. Но эти

каникулы обещали стать совершенно другими. Впервые они проведут их порознь. И Рейчел это ужасно злило.

– Ты обещал, что откажешься! Я думала мы будем вместе гулять. Запишемся в бассейн, поедем в Лас-Вегас на свадьбу к Кейт!

– Прекрати быть такой эгоисткой. Я могу провести хоть одни каникулы так, как я хочу?

– Последние каникулы! После резидентуры мы разъедемся. У нас начнется взрослая жизнь, мы больше не сможем тусить вместе! – на глазах Рейчел появились слезы. – Близнецы Лоунсы! Короли вечеринок.

– Ты тоже самое говорила в старшей школе. Мы не перестанем общаться. Мы просто станем старше. Близнецы Лоунсы. – Кори протянул руку сестре, но та, закрыв лицо побегала к машине одной из своих многочисленных подруг.

Кори протер глаза под очками. И так каждый год.

Не смотря на жаркую погоду, в школе было прохладно. В пустых коридорах без студентов гулял сквозняк. Кори постучал в дверь.

– Профессор Уоллес. – Кори приоткрыл дверь и скромно просунул в нее свою голову.

– Лоусон, ты? Заходи! – Уоллес скинул ноги с со стола и протянул юноше руку. – Как проходят каникулы?

– Нормально. Мои документы пришли?

– Документы? – профессор переспросил и сморщился. – Ах да, ты же у нас трудоголик! Не захотел повеселиться последний месяц лета. Мои поздравления. Тебя с распростертыми объятиями ждет лечебница Отектвуд! – профессор протянул сложенный вдвое и слегка помявшийся листок.

– Отектвуд? – переспросил Кори. – Который в Алабаме? Я не ослышался? – парень грохнулся на кресло и устался в пресс-папье на столе профессора.

– Ты сам просил другой штат. Не переживай. Отектвуд – серьезное лечебное заведение. Твоя практика там отразится в личном деле. Ты сможешь рассчитывать не просто на повышенную стипендию, а на президентскую.

– Наверное вы правы, профессор. Это хороший толчок для моей карьеры. – Кори старался радоваться. Ведь он так ждал этой практики. Алабама, не так уж и плоха. – Я просто никогда не уезжал так далеко от дома один.

– Твоя последняя работа заняла первое место в округе и четвертое в штате. Поддержка молодых специалистов выделила тебя из всех студентов нашей школы. Отказаться от Отектвуда будет полной глупостью.

– Я не отказываюсь. Я просто слегка шокирован. Черт, простите профессор. Конечно я поеду! – Кори вскочил и принялся жать руку Уоллесу. Он рассчитывал на какой-нибудь нарко-центр в Бруклине, или на госпиталь для пенсионеров финансируемый медикэр. Но на настоящую профильную больницу! О таком он мог только мечтать, лежа в кровати и пытаясь заснуть под шум из комнаты сестры.

– Я рад за тебя. Желаю удачи. И будь осторожнее. – сказал Уоллес, но Кори этого уже не слышал. Он уже видел себя в идеально отглаженном халате, расхаживающим по Отектвуду и дающим указания сестрам и санитарам.

Фотографии лечебницы на сайте выглядели приятно. Деревенские пейзажи, густая растительность. Старые здания. Приятный женский голос из версии для слабовидящих рассказывал о современных технологиях и методах лечения, что применяет Отектвуд.

Семь пар белья. Четырнадцать пар носок. Семь футболок, два халата, два костюма, два теплых свитера. Упаковка свечей и спичек. Таблетки от изжоги, диареи, головной боли, назальные капли, репиент от всех видов насекомых и куча учебников и конспектов. И конечно не забыть солнцезащитный лосьон для Рей-Рей. Она ненавидит собирать сумки и все постоянно забывает. Ах да. Он же едет один.

Кори лег на узкую кровать и под мелодичный женский голос, нахваливающий персонал лечебницы, он вспомнил как они сестрой собирались к бабушке с дедушкой и вечно ругались.

Дверь хлопнула и в комнату вошла Рейчел с розовым полотенцем на голове.

– Прокапать тебе глюкозы?

– Вечеринка, мать твою, удалась. – Рейчел достала из раскрытого чемодана брата пачку аспирина и выдавила себе в рот две таблетки.

– Не трогай нашу матушку. Ты рано встала.

– Что бы тебя проводить! – воскликнула Рейчел и приложила два пальца к шее. – Пульс восемьдесят. Боль головная ноющего характера, постоянная, регрессирующая. Тошнота, однократная рвота, приносящая облегчение. Диагноз: похмельный синдром.

Кори рассмеялся.

– Я буду скучать по тебе.

– Я тоже, братик! – Рейчел обхватила брата за шею и обдала смачным перегаром, как от забулдыги из ирландского квартала. – Обещай звонить мне каждый день, и возьми это. – Рейчел протянула ему перцовый баллончик.

– Оставь себе, Рей, я не собираюсь гулять по ночам в сомнительных компаниях, в отличии от тебя.

– Нет возьми! – настаивала сестра. – Это Алабама, а ты даже через зубы плевать не умеешь. Спорим на двадцатку, тебе сломают нос раньше, чем ты выйдешь из автобуса.

– А спорим! – Кори бросил баллончик к остальным вещам и пожал сестре руку. Снаружи сигналила машина, а на телефон Кори пришло сообщение.

– Такси подъехало. Не теряй голову! Люблю тебя.

– И я тебя. – близнецы обнялись. – Звони! – крикнула Рейчел в след.

Кори подхватил чемодан, набросил ветровку и покинул квартиру. На встречу первому лету в гордом одиночестве, и не менее гордой самостоятельности. На встречу взрослой жизни.

А путь во взрослую жизнь, оказался не таким уж и долгим.

Джорджия, Клейтон-Каунти 11:00 а.т.

Два с половиной часа школьника тошнило в бумажный пакет рядом с ним, но мать наотрез отказывалась брать у стюардессы леденцы, отвечая, что организм должен бороться сам. Полтора часа в Атланте, где в Хартсфилд-Джексон, проходила очередная учебная репетиция захвата аэропорта террористами, и служители закона выбрали именно Кори, чтобы показывать на нем остальным как правильно лежать, когда закрывать голову. В каких моментах слушаться требований террористов и как дышать через обоссанную тряпку в случае задымления. Затем час до Бирмингема его кресло пинала маленькая девочка, но Кори был слишком воспитанный чтобы сделать ей замечание. Мать учила его и сестру быть вежливыми, не лезть не в свое дело, не бить в пах и висок.

Алабама, Бирмингем 8:40 р.т

Финишная прямая: одиннадцать часов на автобусе по ухабистым дорогам. Кори хотел поспать, но сначала вместе с ним ехали девочки-скауты, распевавшие свои веселые походные песни, в Охатчи сел музыкант, что собирал деньги в грязную кепку, по которой прыгали блохи. С каждой остановкой пассажиры сменялись и менялись их лица. Улыбки сменились на хмурые брови и озлобленные взгляды.

Потом старушка с тележкой заставила Кори уступить ей место, несмотря на полупустой салон и сорок минут ворчала, о невоспитанности современной молодежи. Растяпа пастух оставил свое стадо на дороге и коровы не давали проезда автобусу. Накопилась небольшая пробка и все сигналили. Под конец двое пьянчуг затеяли шумную ссору и вот знак Отектвуд вырос из обочины.

Алабама, Отектвуд 6:30 р.т.

От автобусных и самолетных кресел ноги у Кори отказывались ходить, и он тупо стоял на остановке с минуту. Вечернее розовое солнце в кружевной тени деревьев. Многовековые сосны, уходящие в небеса. Они, наверное, в сотни раз старше Кори. Они росли здесь еще до прихода пилигримов. От их высоты, и свежего воздуха с резким речным запахом и долгого задиранья головы вверх, у Кори закружилось все перед глазами.

Кори перевел взгляд. Под исписанным навесом у остановки сидела парочка. Длинново-лосый парень в клетчатой рубаше на голое тело и девушка. Крашенная блондинка с черными корнями, в короткой майке с флагом штата. Из-под маечки вываливался пивной живот. Они передавали друг другу пластиковую бутылку пива с ободранной этикеткой и сигарету.

Идиллию парочки прервал седой старик на деревянной доске с колесами.

– Проваливай папаша! Давай катись отсюда, пока я не придумал тебе ускорения. – прикрикнул парень и мужчина без обеих ног и одной руки медленно оттолкнулся от земли и поехал в сторону Кори.

– Сынок, не найдется сигаретки? – с надеждой спросил старик.

– Не курю. – неуверенно сказал Кори.

– Я тоже не курил. До войны.

Кори ускорил шаг, чтобы не слышать рассказы о Вьетнаме, но через пару десятков метров начал испытывать стыд. Профессор Макмакен всегда говорила, что пожилые часто страдают от одиночества и обычный разговор с врачом подействует на них лучше всякого лекарства. Но сама Макмакен, все равно сдала своего отца в дом престарелых. И не стоило врать старику, что он не курит. Здесь нет ни матери, ни сестры, ни преподавателей. Здесь никто не узнает о маленьком секрете заучки Лоусона.

Кори извлек сигарету из смявшейся в чемодане пачки лаки страйка, вставил наушники и включил Алабама сонг, группы Дорс. Рейчел с умом подошла к его плеейсту для каникул. Или с издевкой.

Город оказался меньше, чем ожидал Кори. После Нью-Йорка, казалось диким, что пешком можно пройти от одного конца города до другого и увидеть все главные достопримечательности. Водонапорную башню. Церковь, на флюгере которой красовался дятел в десять раз больше креста. Бургерную «сытый Билл», без привычной большой красной вывески, которая по вечерам превращался в бар, единственный на весь город торговый центр «Для всей семьи», площадь, средняя школа, краеведческий музей и старое здание администрации рудника. Отектвуд известен не только своей психиатрической больницей на лоне природе, но еще и угольными шахтами.

– Простите, мэм. – Кори обратился к пожилой даме у сигаретного автомата. – Не подскажите, в какую сторону больница Отектвуд?

– Зачем тебе эта больница? Такой молоденький, а уже болеешь? – ее ярко розовые губы зашевелились вокруг беззубого рта. – На восьмой живет тетушка Роуз. Она все лечит. Племянница моя забеременеть никак не могла и в город ездила и грязи прикладывала и свечи ей прописывали. А потом обратилась к Роуз и двойня. Пять фунтов каждый.

– Эй, не слушай ее! – окликнула Кори молодая девушка, курившая на крыльце сытого Билла. – До больнички, тебе нужна машина, автобусы загоняют в шесть.

Кори быстро ретировался от болтливой старухи поднялся на крыльцо к девушке. Высокая, загорелая, в коротких джинсовых шортах. Ляжки в синяках, тени на веках растеклись от жары.

Что не говори про деревню, а девушки здесь далеки от боди-позитива и феминизма, поэтому радуют местных мужчин короткими юбками и облегчающими маечками. При близком рассмотрении у красотки оказалось много черных точек на носу, рабочие руки с облупленным лаком на ногтях, но это несколько не портило общую картину.

– Ты городской?

– Я из Нью-Йорка.

– Ого. – громко крикнула девушка. – Да ты сверхгородской.

Своей шумностью и чудными словообразованиями девушка напомнила Кори его сестру.

– Меня зовут Кори. Я приехал на практику в вашу больницу.

– В психушку то? – переспросила она. – Меня зовут Эйприл, я здесь работаю, – она указала на двери Сытого Билла позади себя. – Слушай, у моей тетки диабет, недавно ей отрезали целую стопу, но она плохо себя чувствует, не мог бы ты посмотреть?

– Я психиатр и я не уверен.

– Да ладно. Ты же должен лечить не только голову, но и тело. Как Клуни в скорой помощи.

Кори засмеялся над таким сравнением и Эйприл тоже.

А этот Отелтвуд не так уж и плох. Тараканы, бегающие по барной стойке и плещущиеся в каплях разливного пива, под кранами. Музыкальный автомат, покрытый толстым слоем пыли, какой Кори видел только в фильмах. Местные шумные завсегдаиты, уставшие шахтеры. Старое кантри. И можно было даже курить. Обычно Кори выкуривал пару тройку сигарет в неделю, а тут на радостях дымил одну за одной, заедая деревенскими бургерами, с которых масло лилось на пальцы.

Эйприл бесконечно болтала о городе, о своих знакомых, больнице, которой ее пугал отец за непослушание. Для аренды машин было уже поздно, но Сэм, знакомый Эйприл любезно выдал ему ключи от старого ржавого пикапа. В ответ Кори должен был подкинуть ему на пиво, на темное пиво, он ведь как-никак из Нью-Йорка.

Уставший Кори выехал только за полночь. Одна фара не работала, и он ехал крайне медленно, чтобы не сбить коосулю или не провалиться в яму. Что-то громкое, похожее на выстрел прогремело, и машина встала, подбросив Кори на сиденье.

В лесу было холодно и сыро. Ночные птицы перекрикивались друг с другом. Кори вылез и осмотрел автомобиль, что было совершенно бесполезным занятием. Поднятый капот для Кори, был все равно, что раскрытая брюшная полость для автомеханика. Скверно пахнет и ничего не понятно.

Фонарь моргнул два раза и отключился. Кори остался в свете единственной фары в темном лесу. Звуки становились все громче.

– Стоит опасаться диких зверей и наркоманов, – бормотал себе Кори под нос. – А еще змей и клещей. Я просто сяду в машину и когда наступит утро позвоню в администрацию больницы.

Звонить ночью, Кори не позволяло воспитание. Он ведь всего лишь студент и не стоит отвлекать людей от работы и сна из-за своей же невнимательности.

Лоусон опустил сидение, выключил радио, фару и лег. Сон пришел быстро. Свежий лесной воздух и долгая дорога сделали свое дело.

Удар по двери пикапа. Кори подскочил и врубил фару. Еле заметная тень скрылась во тьме.

– Это, наверное, лиса, или дикая собака. – сказал Кори сам себе, но сердце колотилось так, что выбивало из легких воздух. Не открывая окна, Кори разглядывал темноту. Из-за высоты деревьев неба было не видно. Кори прижался лицом к грязному стеклу и тут же по нему пришелся хлесткий звонкий удар с обратной стороны. Кори вскрикнул, ударился головой о крышу и вжался в противоположную дверь. Ветка колыхнулась от ветра и стукнула в окно. Но это был удар такой силы, что стекло завибрировало, а Кори чувствовал жгучий удар на своей щеке, как от пощечины.

Отодвинувшись от всех окон Кори включил радио на всю громкость, обнял колени и уставился в зеленые цифры номера радиостанции.

Из хриплых динамиков Кети Перри пела, о том, что целовалась с девушкой и ей понравилось. А Кори сидел в лесу, в сломанной машине и ему это совершенно не нравилось.

Гипомания

Следы крови на снегу. Снова. Лукас снял шапку и стал креститься, теребя енотовый хвост своего головного убора. Масляная лампа дымила на ветру, заставляя глаза слезиться. Лукас шел вдоль забора. Не стоило поднимать панику. Следы крови могло оставить раненое животное.

Ноги тонули в снегу. Лампа смолила черным дымом и вскоре погасла.

– Эй, Боб! – окликнул он, сторожа, привалившегося к забору. – Черт Боб, ты опять напился! Ты видел кровь? – Лукас тронул товарища за плечо и тот свалился ему под ноги замертво.

Алабама, Отектвуд 9:10 a.m

Утренние птицы запевали свои песни. Сирены полицейской машины их заглушали. Два удара в стекло и Кори резко поднял голову. На лбу отпечатались два красных пятна от коленей. Радио все еще орало в ухо. За грязным стеклом показалось лицо шерифа в зеркальных очках и сигаретой в зубах.

– Простите. – Кори наспех опустил стекло. – У меня машина сломалась.

– Вы Кори Лоусон? – спросил шериф.

– Да. Это я. – Кори вывалил все свои документы, водительские права и даже медицинскую страховку.

Шериф достал рацию и не вынимая сигареты из рта сказал:

– Сообщите в Нью-Йорк, что мы нашли Лоусона.

– Простите, что отвлекли вас от работы. Это наш новый практикант, мы должны были его встретить. – рядом с шерифом возник низкий полный лысый мужчина лет пятидесяти. Его лицо было красным, и он вытирал пот платком, будто бежал через весь лес за тачкой шерифа.

– Студент? – усмехнулся шериф. – Не ставьте ему двойки. А то его мамаша с сестрой позвонят в ФБР. – Эй парень. – обратился он к Кори. – Позвони родне, они тебя чуть ли не в федеральный розыск объявили.

– Простите. У меня разрядился телефон и сломалась машина. Я не хотел создавать вам проблемы. – извинялся Кори, но шериф уже спешил к своей машине.

– Доктор Лоусон, – лысый протянул Кори потную ладошку. – Добро пожаловать в лечебницу Отектвуд. Извините за неудобства. Меня зовут доктор Арчибальд Шварц и я главный врач этой больницы. Вы не доехали всего милоу. Я вызову вам эвакуатор.

Шварц был болтлив, но не как Эйприл, или сестра Кори. И не как ветеран Вьетнама, что стрелял у Кори сигарету. Это было его работой. Ему не нравилось много говорить и выглядеть приветливым. Он задыхался и морщился от лесной духоты.

– Я еще не доктор.

– Вы доктор. Если будете считать себя студентом, то остальные почувствуют вашу неуверенность и неопытность. Вас не будут воспринимать всерьез. Понимаете? А вам уже пора становиться профессионалом. Вам ведь осталось учиться год?

Кори кивнул.

Два поворота по заросшей тропе и перед Кори появился высокий железный забор, обросший мхом и вьюнами. Это было потрясающее зрелище. Будто вход в старый заброшенный замок полный тайн и чудес.

Шварц вытер росу с панели интеркома и приложил ключ. Ворота, скрипя, приоткрылись.

– Подожди, я не так молод, как ты. Дай мне отдышаться. – Шварц уперся руками стену забора и стал шумно втягивать воздух носом.

Кори был не против простоять здесь сколько угодно. Его взору открылись три старинных здания, из красного, потемневшего от влаги кирпича. Озелененная территория с железными

скамейками и прудом. Больные в светлых клетчатых пижамах. Это не шло в сравнение с грязным городишкой и пьяными работягами.

– Красота. Этим постройкам, наверное, больше ста лет. – изумился Кори.

– Первое здание было построено в тысяча восемьсот шестьдесят втором году, когда в Алабаму вошли войска генерала Улииса Гранта. Военный госпиталь для раненых. Это здание администрации. Ближе всех к нам.

– В тысяча восемьсот восемьдесят девятом Отектвуд стал первой крупнейшей психиатрической больницей во всем юге. Она почти полностью сгорела в девятьсот девятнадцатом и через пять лет была восстановлена, – закончил Кори. – У этого места богатая история.

– А ты увлекаешься историей?

– Немного.

– Честно скажу, я очень устал. Сейчас передам тебя сестре Колбан, она сделает тебе небольшую экскурсию и расскажет, что к чему. После, жду в своем кабинете.

Мужчины вошли в здание администрации, корпус А. Старинная архитектура смотрелась нелепо в купе с кафелем. Пахло хлоркой и духами сестры Колбан. Сестра Колбан – женщина небольшого роста, с неправильным прикусом. Ее отвлекли от интересной переписки и она, нехотя отложив телефон поприветствовала докторов.

– Можешь звать меня просто Алана.

– А я Кори. – Кори было неудобно называть ее Аланой. Она лет на десять старше его.

Алана шустро зашагала по коридору указывая пальцами на двери и тараторя:

– Архив, бухгалтерия, расчетная группа, учебный класс, на втором этаже кабинет доктора Шварца и главной сестры. – при слове главная сестра Алана поморщилась. Она не очень-то жаловала начальство.

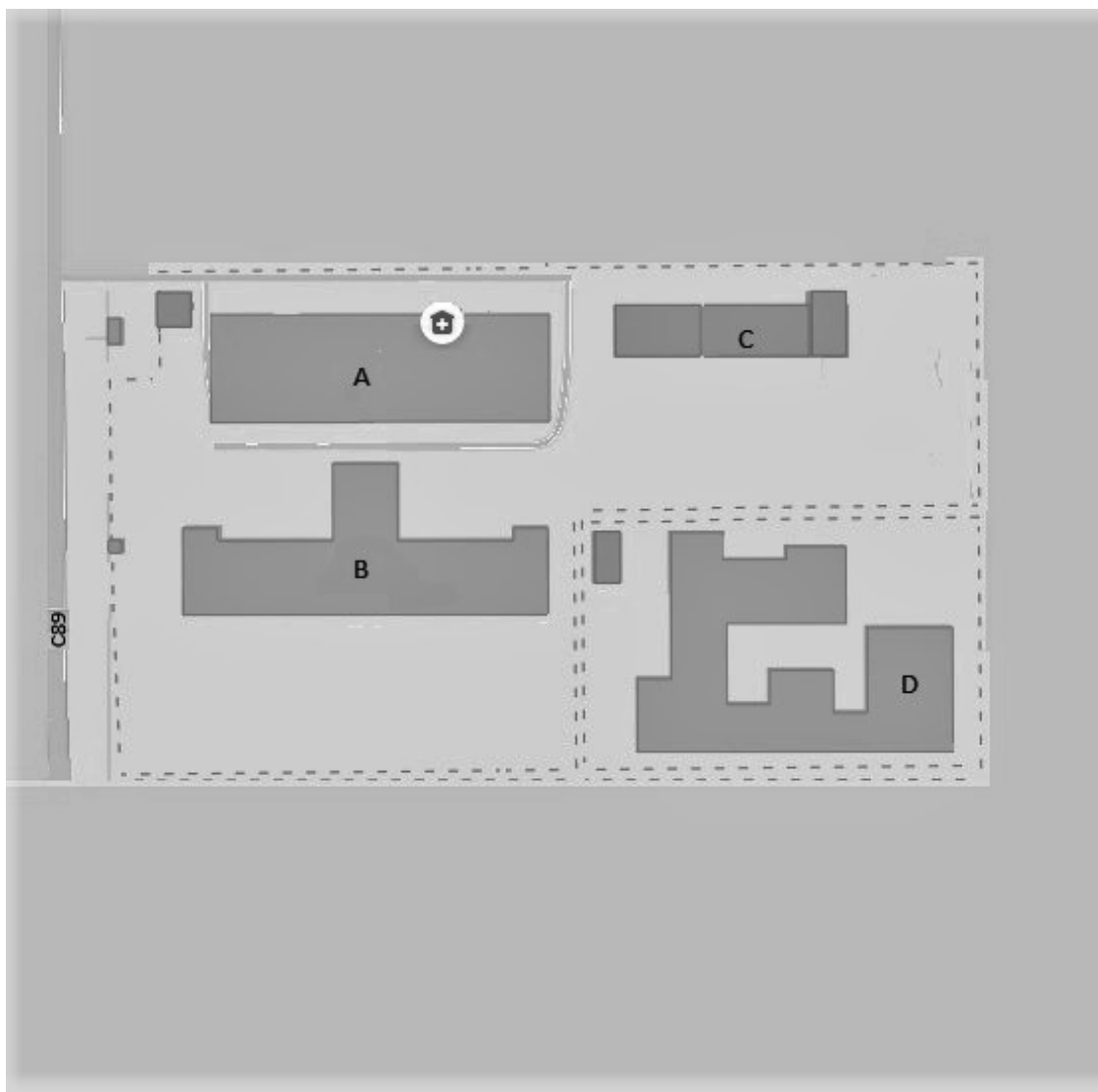
– Вам хорошо платят? – зачем-то спросил Кори.

– На жизнь хватает. Учитывая, что мой муж пьет как свинья и не работает уже полтора года, мы живем не бедно. – вместе они вернулись на улицу, но уже через другой выход. – Следующий корпус Б. На первом этаже палата интенсивной терапии и реанимации, диагностические кабинеты, физиотерапия, рентген и томография, барокамера и прочее. В подвале морг. На третьем этаже женское отделение. На втором мужское. Каждое на семьдесят коек. И конечно столовая. У нас кормят хорошо. Обязательно попробуйте рыбный суп.

– Спасибо за совет.

– Напротив корпус Ц – хозяйственная часть и склад. И корпус Д, – Алана указала на двухэтажное здание, расположенное дальше всех и огороженное отдельным забором с колючей проволокой по всему периметру. – Оно находится под круглосуточной охраной и видеонаблюдением. Здесь лежат преступники со всего штата, которые были признаны невменяемыми и направлены на принудительное лечение.

– Мы пойдем туда? – спросил Кори.

- Без пропуска – нет. Да и не люблю я туда ходить.
- Ты долго здесь работаешь и не привыкла?
- Я не работаю с убийцами и маньяками. Нам сюда. – Алана повела Кори в корпус Б.

Обычное отделение. Такое же как в Нью-Йорке и других городах. Белый кафель. Пожарные шланги, горшки с цветами на окнах и сан бюллетени о вреде курения и признаках инсульта. Резкий запах хлорки, от которого першит в горле. Пожилой мужчина медленно шел по коридору и одновременно мочился на белый пол. Сестры сидели на посту и разгадывали кроссворд. Все это Кори уже видел сотни раз. Из окна возле поста сестры виднелся забор корпуса Д. Он манил своими черными решетчатыми окнами и железными дверями. Вот там настоящая практика, а не старики с болезнью Альцгеймера.

Кори познакомили с угрюмым штатным хирургом Бердсом, который носил теплую кофту с детским рисунком поверх халата. С сестрами Натали Грегсон и Хелен Тисс. Первая произвела впечатление полной идиотки, вторая стервы. Хорошее впечатление оставили терапевт Диссигвол. Она была строга, но позитивна, а еще любила крепкое словцо. Сестра Хелен Доу, тезка Тисс, любящая порядок, чистоту и поддерживающая растения в стационаре. Санитар Мейсон Ли – бодрый, эксцентричный молодой парень. Особенно Кори понравилось, как он звал больных на завтрак, стуча шваброй по стене и крича: «хозяин пайку дает.» И Алана.

По дороге в корпус А, корпус Д все еще манил. Кори воображал обстановку внутри и еще множество колоритных работников.

Доктор Шварц тряс ингалятор. На столе у него был бардак, а этого Кори не любил. На его столе всегда был порядок. Учебники, книги и комиксы по алфавиту. Карандаши и ручки в разных стаканчиках. Даже Рейчел со своей сумасбродностью, не оставляла больше, чем одну кружку кофе на своем рабочем месте. К такому порядку их приучила мать. Кори вспомнил, что так и не позвонил не маме, не Рейчел и они, наверное, сходят с ума.

– Ну как тебе наша скромная обитель? – Шварц сделал два вдоха и откинул ингалятор в своей слюне на документы.

– Весьма уютно. И спокойно. Я проходил практику в больницах скорой помощи. Там такой дурдом. Ой, простите. – Кори осознал, какую глупость сказал и теперь пытался разглядывать узорчатые ковер, чтобы не увидеть порицания Шварца.

– Все нормально. Ни один полицейский не обижается на слово «коп», или «фараон». Если честно, они и сами друг друга себя так называют. А это психушка. Не бойся говорить правду. Я изучил твоё дело. Ты очень способный парень. Почему не поступил в колумбийский институт?

– Из-за денег. – признался Кори.

– Ты из неполной семьи. У тебя есть сестра, она тоже учиться?

– Да. Но на бюджет перевели только меня и то полгода назад. Мы учимся в одной группе.

Она хочет стать сексопатологом.

– Весьма престижно. И денежно. А ты хочешь стать психиатром? Планируешь вести частную практику или работать в стационаре?

– Пока не знаю. Но хотелось бы в стационаре.

– Похвально. Сейчас молодежь хочет все и сразу. Частные клиники, личные кабинеты. Я в свои годы начинал в обычной больнице в Бирмингеме. Сначала санитаром, потом медбратом и после только врачом. Сам зарабатывал себе на учебу.

– Я тоже работаю санитаром. У меня три дежурства в неделю в госпитале ветеранов. – Кори нравилось болтать с доктором Шварцом. Нравилось его отношение к жизни, к нему. Он стал казаться добрым человеком. И он назвал Кори доктором. Это льстило.

– Как тебе коллектив?

– Вроде дружелюбные люди. – пожал плечами Кори.

– Не преувеличивай. Все посмотрел?

– Кроме корпуса Д.

– А, корпус Д. Больные из корпуса Д, не находятся в критическом состоянии. Но они представляют опасность. Ты умный парень. Ты идешь на президентскую стипендию, ведёшь научные труды. Не бросайся в эту крайность. Завтра я выпишу тебе пропуск. Работать будешь с доктором Фареллом. Он станет твоим наставником. Завтра к восьми, не опаздывай. А пока иди в корпус Ц. Там ты найдешь Эндрю, он покажет тебе дом.

Эндрю было тяжело не найти. Он матерился у забора на газонокосилку. Не смотря на собирающийся дождь и прохладный ветер, он был в рабочем комбинезоне на голое тело. Бросив инструмент и пнув его ногой Эндрю быстро зашагал к выходу.

Их путь длился семь минут, среди густой растительности как на территории больницы, только менее ухоженной. Показался перекошенный деревянный забор и заросший сорняками двор. В лужах и ржавых баках стояла вода, а если не смотреть под ноги, можно проткнуть себе ногу гвоздем или сломать что-нибудь.

Эндрю отцепил один из ключей со своей большой связки и открыл помещение.

– Ванны нет, телевизора нет, сортир на улице, но лучше оборудуй себе ведро, если не хочешь провалиться в говно на глубину шестнадцать футов. Есть электрическая плитка, обо-

греватель и радио. Связь работает только на кухне. Вот так! – Эндрю с ногами забрался на разделочный стол и прижался к окну. – Бывают термиты. Отрава от них в кладовке, если ее тараканы не сожрали. Ну ты чего взгрустнул, док? Индусы, например, вообще считают, что в доме испражняться грех и с десятого этажа ходят на улицу.

– Спасибо. – еле выдавил Кори. Эндрю громко хлопнул дверью и со стены осыпалась штукатурка.

На уборку не был ни сил, ни желаний. Кори смахнул пыль и мертвых мошек со стола, какой-то грязной тряпкой. Бросил на пол чемодан и достал из него ноутбук, учебники, тетради. Спать на продавленном диване он все равно не собирался, пока не проведет ему дезинфекцию. Значит всю ночь будет работать.

Дверей между комнатой и кухней не было. Проем был завешан шторой в пятнах, происхождения которых Кори знать не желал. Он снял ее и ему открылась кухня с электроплиткой покрытой жиром толщиной в два пальца, круглым столом с клеенкой и шумным старым холодильником дженерал электрик.

– В конце концов, так живет тридцать процентов американцев, а пятнадцать еще хуже. – Кори открыл холодильник и нашел там банку с засохшей субстанцией, похожей на арахисовое масло и две бутылки дешевого лагера. Нужно привыкать к деревенской жизни. Кори открыл бутылку прямо об дверцу. Его это очень позабавило. Он же представил, как явиться в Нью-Йорк в носках и шлепанцах, шортах в стиле миллитари, клетчатой рубашке и недельной бородкой, а когда сестра откроет ему двери, он смачно сморкнется на пол зажав одну ноздрю пальцем и Рейчел точно упадет в обморок. Точно! Нужно позвонить Рейчел!

Лезть на стол и сидеть там как на насесте не хотелось. Кори сделал глоток и тут же закурил эту гадость сигаретой, так как закуски у него не было.

– Я умный, а значит и дом умный. – с этими словами, Кори приклеил телефон на скотч к окну в месте наиболее хорошего сигнала, вставил беспроводные наушники в уши.

– Ало! Рей.

– Лоусон! Ты скотина! – разъяренный голос сестры был страшнее любого психа из корпуса Д. – Мы с мамой чуть с ума не сошли! Мы думали тебя убили, разобрали на органы и закопали под сраной елкой!

– Извини, тут дерьмовая связь.

– Рассказывай, как там! – на фоне голоса Рейчел играла музыка. Она явно не так переживала, как описывала, раз уже где-то развлекалась. – Уже научился подбрасывать навоз лопатой дальше всех?

– Нет, но стремлюсь к этому. Рей-Рей, это одновременно кошмар и самое потрясающее, что я когда-либо видел! Ты обалдела бы от этой природы. Тут такие деревья!

– А кофе чертовски хороший?

Кори усмехнулся.

– Кофе я еще не попробовал. Местное население такой колорит. Больница почти исторический памятник! Это все не описать за раз. Я познакомился с девушкой, Эйприл.

– Эй! Осторожнее! Эти деревенские прыткие. Не успеешь моргнуть, а ты уже фермер и у тебя пятеро детей.

– Мы просто общались. Она милая и веселая. А главный врач называл меня доктором Лоунсом. Не студентом, не мистером, не молодым человеком, а доктором. Я обязательно сброшу тебе фото больницы, как только найду нормальный интернет.

– То есть, эта больница не в самой заднице, а где-то на пояснице?

– Она в лесу. А еще меня поселили в сарае. Только маме не говори. Я переночую здесь, а завтра поеду в мотель. – довольный собой и своими достижениями Кори закинул ноги на стол. Он брлся, глядя на себя через веб-камеру, так как не нашел в доме ни одного зеркала, читал

систематику эндогенных психозов Леонгарда, пил пиво и болтал с сестрой одновременно, как Цезарь.

– Какой мотель? Там грибок, папиломы, грязные туалеты, служба открывает номера пока тебя нет и ворует белье. А матрацы, если на них сдохла шлюха от передоза просто переворачивают. Иногда не один раз за ночь! Даже не смей думать о мотеле!

– Рей, здесь туалета вообще нет. Есть ведро. Ведро, Рей! И я даже не знаю, что лучше? Грибок? Или быть съеденным клопами? Я, наверное, просто возьму себе кучу дежурств и буду жить в больнице. Там есть горячая вода и охрана... Черт! – Кори увидел на своей ноге двухдюймового таракана и едва не свалился со стула.

– Что у тебя там?

– Ничего. Развлекайся. Мне пора на войну с клопами. Они образовали тройственный союз с тараканами и термитами. Моя Антанта не продержится до утра.

– А в некоторых странах это деликатес. До завтра Кори. Звони.

– Буду звонить каждый день.

Кори вынул наушники и бросил на стол. Таракан сбежал в неизвестном направлении. За окном от ветра гремел лист железа.

Бутылка быстро опустела, и Кори пошел за второй. За окном послышался шум. Не найдя под рукой тряпки Кори вытер стекло рукавом и стал вглядываться на улицу. Но ничего кроме своего отражения не увидел. Волосы грязные, глаза были красные от недосыпа, лицо обсыпало прыщиками от сна в грязной машине. Громкая вибрация телефона, лежавшего на железной раковине, заставила Кори подпрыгнуть. На секунду показалось, что это рычание шло из-за стекла, а сквозь его отражение на него смотрело то рычащее существо. На телефон пришло уведомление о смене штата и изменении стоимости звонков.

Лоусон допил вторую бутылку и глаза начали закрываться. Сонная доза, как говорила Рей. Читать было бесполезно, Побрезговав столом, Кори положил голову на раскрытую книгу.

***

– Боб замерз! Замерз насмерть! – Дороти меряла лачугу своими маленькими шагами. – Мы приехали сюда заработать денег, а не подохнуть! Подумай о детях, Лукас.

– Сядь и успокойся. Боб был пьянчужгой! Потому и замерз!

– Нам обещали золото! Генри обещал нам золото! И где он собрался его мыть? В снегу? Четыре месяца, ты только и делаешь, что охраняешь этих дикарей и пропадаешь в шахте. За это время погибло семеро! Я не хочу оказаться в их числе. И не хочу, чтобы ты или наши дети оказались в их числе. Дорогой прошу тебя. Давай уедем.

– Мы никуда не едем! Нагрей мне воды! – Лукас громко хлопнул дверью, запустив в дом ледяной вихрь.

В холодном воздухе, Лукас учуял запах трубки. А вскоре показался и ее владелец – Остин. Крепкий старик с красным носом.

– Генри искал тебя. – Остин затыкнулся и прищурился, чтобы снежинки не попадали в глаза.

– Дороти опять закатила истерику. Не нравится ей тут.

– Черт разберешь этих баб. Я надеюсь, ты не собираешься ее слушать? Чума убила два поселения, но до нас так и не дошла! Эту землю бережет сам Господь. Давай топай.

Утопая в снегу, Лукас двинулся к дому возле частокола, что отгораживал индейцев. И рудники.

Лукас приоткрыл маленькую щель, что бы не охладить помещения и протиснулся в нее.

– Сними сапоги. – зычный и четкий голос Генри из комнаты приказал Лукасу и тот стянул обувь.

Генри жил богаче остальных. Не в ветхой постройке, что еле сдерживает холодные ветра, а в добротном, утепленном доме. Шкуры животных на полу и чучела на стенах. Генри стоял у

стола в кожаном фартуке и перчатках. На обеденном столе лежал Боб. Весь пол и ноги Генри были залиты красной кровью. Она стекала по ножкам стола, сворачиваясь и опадая кусками.

– Иисус Мария! Генри, что ты делаешь? – Лукас застыл в дверях не в силах двинуться вперед или убежать назад.

– Боб умер не от низкой температуры. Он даже не отморозил пальцев. Подойди, Лукас. Взгляни на сердце.

Лукас сглотнул подступающую к горлу рвоту. В руке Генри сжимал человеческое сердце. Размером чуть меньше, чем у взрослой свиньи. Он шевелил его пальцами, надавливал и отпускал. Из двух отростков посреди органа, выплескивались густые темные сгустки.

– Видишь эти точки. Это кровоизлияния. Боб умер не от холода. Боб умер от разрыва сердца. От страха! Что-то напугало его до смерти!

Лукас думал, что следующим, от страха разорвется именно его сердце.

– Здесь не так много людей, кому я могу доверять. Старик Остин, Ты, И, пожалуй, все, – Генри методично проталкивал сердце Боба в банку. – Это место таит в себе много загадок. И когда мы разгадаем их, то станем самыми богатыми людьми в новом свете.

– Нужно предать Боба земле. – неотводя глаз от пола сказал Лукас.

Истерия

Алабама, Отектвуд 3:04 а.т.

Лист металла в очередной раз загремел от порыва ветра. И Кори резко поднял голову. Оборванные обои, спертый воздух, черные от пыли рамы. Хотелось закричать «Где я?», но потом Кори вспомнил. Он в Отектвуде. Штат Алабама. Через четыре часа ему вставать на работу. Кори уложил голову обратно на книгу, но сон не приходил. Холодильник назойливо шумел, и часы тикали. Кори оглядел кухню и комнату. Никакого намека на часы в доме не было. У него электронный фитнес браслет и звука он не издает. Ни на стенах, ни на столе. Часов нигде не было, но что тогда тикает? Кори засунул мизинец в ухо и прочистил его. Звук никуда не исчез.

Обойдя все, Кори выдернул шнур холодильника из розетки. Теперь тиканье стало более отчетливым. Кори прошел в самый дальний угол и открыл кладовку. Из нее тотчас посыпались швабра, метла, тазики и ведро. Кори зажег тусклую желтую лампочку. Бутылки с чистящими средствами и тряпки на полу. Часов не было, а вот звук становился сильнее. Холодок пробежался у Лоусона по спине.

– Это сон, – Кори щипал себя за руку, это было больно, но не помогало. – Во сне нельзя ничего прочитать, – Кори рванул к столу, схватил книгу и начал вслух читать первое попавшееся предложение. – Кататония речевой заторможенности является противоположностью кататонии речевой готовности, – Кори почти кричал, но навязчивый звук был громче. – Для нее типична чрезвычайная разговорная инертность., переходящая на отдаленных стадиях развития болезни в полное отсутствие разговорных импульсов. – голос срывался. От страха хотелось плакать. Лоусон бросил книгу на стол и дом наконец погрузился в тишину. Тишину настолько густую и вязкую, что невозможно было в ней дышать. Радио! Эндрю говорил про радио. Кори, сбивая стулья, побежал на кухню, и нашел старый приемник. Кнопки почти вросли в грязь и не двигались.

«Шесть часов ровно. Кто-то уже проснулся на работу, а кто только ложиться в постель. А мы слушаем Шакиру...»

Кори сел на пол возле приемника. Он смотрел в стену, но не видел ее. Приемник хрипел, искажая музыку. Женский голос превращался в хруст костей и кашель захлебнувшегося. Кори пожалел, что включил радио.

Телефон загудел. Будильник. Кори моргнул. За грязными окнами светало. Туман заполнил почти весь его двор. Он скрывал весь мусор и хлам, оставляя лишь силуэты деревьев. Зрелище было завораживающее. Минут пятнадцать Кори смотрел в окно.

Без пятнадцати восемь доктор Лоусон стоял в холле корпуса А. Алана лениво натягивала халат, поверх цветастого платья. Он увидел санитаров, сестер и врачей, плетущихся на работу с угрюмыми лицами. Он побывал на планерке, где чуть не оглох от крика Шварца. Пожилой добряк, оказался не таким уж и добрым.

После сестра Грегсон заварила растворимый кофе и достала домашнюю выпечку в пластиковом контейнере.

– Суховато. Ты добавила мало масла? – санитарка Мириам громко жевала и критиковала стряпню Грегсон. Кори был рад и такому. Он ел, кажется, в понедельник вечером, а сегодня утро среды.

– А, по-моему, очень вкусно. – сказала Алана и Мириам бросила на нее недобрый взгляд. Она была крайне неприятной женщиной. Кори не успел познакомиться с ней вчера, но и знакомству сегодня он был не рад. Поджатые в недовольной ухмылке губы, крашенные в бордовый цвет волосы, и почти не закрывающийся рот. – Кофе пить утром, так все бегут. Но никто ничего не носит. Я должна всех кормить?

– Спасибо, пойду работать. – Алана громко поставила свою кружку в раковину и вышла из бытовой. Кори тоже не стал допивать. Несмотря на бессонную ночь, чувствовал он себя бодрым. Даже на лекции, он вставал с большим трудом, а здесь, поспав едва ли часа три, он был бодр и готов к работе.

Доктор Фарелл пришел в половине девятого. Это был не определенного возраста, лысый мужчина с загорелым лицом и кучей родинок. Ему было совершенно наплевать на происходящее вокруг. Он наступил на разлитую больным кашу, грустно поглядел на свои туфли и двинулся дальше.

– Доктор Фарелл. Я Кори Лоусон. Доктор Шварц сказал, что я буду проходить практику у вас.

– У меня? – переспросил Фарелл, так, будто вообще не понимал, что происходит. – У меня. У меня! – пропел он. Кори стоял у двери и еле сдерживался от того, чтобы не рассмеяться. – Первая клиническая практика?

– Нет. Я был в...

– Отлично. Прилично! – перебил его Фарелл. – Можешь звать меня просто Лео. Женат?

– Нет. – ответил Кори.

– Везет. Пьешь?

– Нет.

– Возьми тогда конфету. – Лео вытащил из кармана смятую, растаявшую шоколадную конфету и протянул Кори. Не зная, как себя вести, с этим странным человеком, Кори развернул лакомство, стараясь не запачкать руки. – А я сейчас выпью, и мы пойдем на обход. – доктор извлек из шкафа с дипломами початую бутылку старого Смаглера и налил в кофейную кружку с надписью лучший доктор.

– Я еще никогда не проходил практику в стационарах психиатрического профиля. Скажите, есть ли какие-либо различия, нюансы?

– Не знаю. – пожал плечами Лео и выпил залпом половину кружки. – Я никогда не бывал в других больницах. Мне не с чем сравнивать.

– Шварц на планерке был очень зол, что вас нет.

– Я поздно встал. Как говорил Уинстон Черчилль, никогда не стоит стоять там, где можно сидеть, и никогда не стоит сидеть там, где можно прилечь. Придерживайся этого правила и проживешь до ста лет.

– Может, введете меня в курс дела? – осторожно спросил Кори. Фарелл, вызывая у него двойное чувство. Казалось он уже начал обход и это его первый пациент.

– Курс на Геттисберг, генерал Хет! Нам нужна обувь!

Тут Кори не сдержался и издал смешок.

– Ну вот. Рабочий день нужно начинать с улыбки. Курс дела. У нас с тобой двадцать больных. Шестнадцать в Б и четверо в Д. Сначала сделаем обход здесь, а потом пойдем в казематы, – Лео вывалил на стол кучу потрепанных историй болезни, едва не опрокинув свою кружку.

– Доктор Фарелл. – дверь кабинета открылась и в ней показалась седая голова в маленькой розовой шляпке.

– Эмма! Входите! Вы опять потеряли выписку?

– Нет. Зашла сказать вам спасибо. – старушка просеменила по кабинету и поставила на стол небольшой торт в пластиковой коробке.

– Доктор не ест! Доктор пьет! – гордо сказал Лео. – Отдайте сестричкам.

– До свидания! До следующего обострения.

– Эмма Колдберг, подруга королевы Елизаветы. И я не шучу. Она действительно жила в Великобритании и общалась с ее величеством. Старческая энцефалопатия. Чудесная бабуля. Это она дала мне ту конфету, что ты сейчас жуешь. Я-то сладкое не ем. У меня диабет. – сказал Фарелл и опустошил кружку. – На обход! Милорд!

Лео ходил быстро. Своими длинными ногами он перешагивал через четыре плитки сразу и никогда не наступал на швы, как заметил Кори.

Начали они с женского отделения. «Дамы вперед!» – сказал Лео.

Первой была девушка подросток. Она не реагировала ни на сестру с таблетками, ни на соседку по палате, вспоровшую матрац и поедающую оттуда поролон.

– Кристина! Что на этот раз?

– Она наглоталась таблеток. – ответила за больную Мириам.

– Доктор Фарелл. Это снова я. – девочка впервые отреагировала. Она вылезла из-под одеяла и Кори увидел тонкие девичьи руки, покрытые рубцами вдоль и поперек.

– Что ты выпила?

– Пачку клоназепама. – честно ответила Кристина.

– А потом лежала в собственной рвоте. Вон, даже сейчас кусочек в волосах. Недостойная леди смерть, мисс Смит! – Фарелл вытащил присохшую субстанцию из волос девочки и бросил на пол. – Ты принимала таблетки, что я тебе прописал?

– Нет. Мама сказала, что это пустышки и она не будет тратить на них деньги. Но на самом деле пустышка это я. Ей было бы лучше, если бы я умерла.

Кори так надеялся поддержать беседу, но он просто застыл. Смит было пятнадцать. В этом возрасте он собирал макеты, ходил на бейсбол по воскресениям, читал комиксы. А эта бедняжка думает о смерти.

Лео внезапно переключился на следующую.

– Миссис Прич! – Лео выхватил кусок матраца из руки женщины и закричал. – Вы хоть знаете, сколько в поролоне калорий? Хотите испортить фигуру? Эту прекрасную фигуру?

Миссис Прич замерла и выплюнула из рта едва разжеванный поролон.

А Кристина Смит даже начала улыбаться, глядя как Лео читал лекцию о правильном питании миссис Прич. И она его слушала. Она огладила свои бока, что бы проверить не поправилась ли. Кори тоже улыбался, Лео хотелось слушаться. Большинство пациентов в таких клиниках чувствуют себя одинокими и непонятыми. Им как детям нужна забота и внимание и доктор Фарелл давал им все это.

– До свидания девочки! Увидимся завтра на художественной терапии.

В мужском отделении Фарелл здоровался с каждым за руку. Алексу Колинзу даже дал пять. Фарелл сам осматривал больных, не вызывая терапевта или хирурга. Любил рифмовать слова. Часто напевал. Помог санитару Ли сменить памперс одному из больных.

– Давление то повышается, давление? – кричал Фарелл мистеру Гарфанклу в самое ухо.

– Что? Лео, это кто? Твой сын?

– У меня дочь, мистер Гарфанкл.

Кори морщился. На время практики он взял отпуск и быстро отвык от общения с глухими больными.

– Хочешь фокус? – обратился Гарфанкл к Кори.

– Показывайте! – громко ответил Кори и Лео одобрительно похлопал его по плечу.

Старик закрыл лицо руками, отвернулся и протянул Кори два кулака на выбор. Кори выбрал правый. Дед раскрыл ладонь и в ней оказался его глазной протез. Лоусон отшатнулся и чуть не упал на кровать, стоящую позади.

– Гарфанкл. Отличный фокус! – Лео искренне смеялся, а Гарфанкл облизал стеклянный глаз своим белым языком и вставил на место.

– Теперь пойдем к мистеру Лессеру. Только ты молчи. Он незнакомых людей боится. – доктора подошли к следующей койке.

Не старый брюнет ковырял ногтем тумбочку и что-то бормотал себе под нос.

– Мистер Лессер. Доброе утро. Какие дела?

Больной встрепенулся, выпрямился. Глаза его заблестели. Он прижал палец к бородавке на шее, и глядя сквозь докторов начал говорить громко и четко, но с самим собой.

– Хьюстон. Да. Точно так. Неужели? Сегодня? Ну все. Не отвлекайте меня! – он убрал палец с родинки и отрапортовал доктору. – Вечером будет дождь. Конгресс будет пересматривать закон о налогообложении алиментов.

– Спасибо Лессер. Не знаю, с кем он разговаривает, но все что говорит утром к вечеру сбывается. Газет не читает, телевизор не смотрит, почти ни с кем не общается. Предсказал принятие закона о третьем поле в документах и с каким отрывом Трамп победит на выборах. Хочешь верь, а хочешь нет.

– Нечего тут топтать.

– Мне что, по воздуху летать?

– Легли на койку и болейте!

– Твое место швабра!

– А твое койка!

Лоусон и Фарелл вышли на шум.

Мириам ругалась с тучным молодым альбиносом.

– Доктор. Я напишу жалобу на вашу санитарку.

– И я полностью вас поддержу. Вы можете ходить, где хотите. – ответил Лео.

Мужчина отвернулся от докторов, прижал к уху тапочек и начал громко говорить о статьях, документах и правах.

– Бывший адвокат по недвижимости. Николсон. Ну, не будем отвлекать его, у него серьезная сделка.

Алабама, Отектвуд. Лечебница 1:20 р.т.

Кори так и не удалось ни с кем поговорить. Зато удалось заполнить все листы наблюдения в историях, отметить температурную кривую, которой сестры попускались и рисовали непонятные заборы. Подклеить анализы в нужные места.

Так же он начал свой отчет. Описал там Кристину Смит, хроническая депрессия и восемь попыток суицида. Линда Прич. Обсессивно-компульсивное расстройство и расстройство питания. Алекс Коллинз. Задержка психического и физического развития. Уильям Гарфанкл. Болезнь Альцгеймера. Дик Лессер. Биполярное расстройство. Николас Николсон мегаломания.

Он старательно переписал все листы назначений, расчертил листы наблюдения.

– На обед проходим! – раздалось в коридоре, и он наполнился шумом. Гарфанкл выбежал в одних трусах.

На обед по общей диете давали капусту с куриной кожей, и костями.

Заедая его плохо пропеченным хлебом, сестра Тисс рассуждала, что больше любит ресторанную пищу. Кори очень хотелось сказать, что эта любительница высокой кухни, сейчас объедает пациентов на государственном обеспечении, но он все еще был очень воспитанным.

– Штабная крыса! – таким возгласом встретил его доктор Фарелл после обеда. – Я шучу. Просто ты весьма хорошо справился с бумагами. Я люблю реальное общение и ненавижу писанину.

– В школе говорят, что правильно заполненная история, лучше излеченного пациента.

– Чертовы бюрократы! Ты получил свой пропуск? Мы идем в корпус Д.

Кори был так увлечен обходом, что даже не заметил, как на улице пролился дождь. Мокрая трава испачкала белые форменные брюки. Они прошли через двор для прогулок, мимо корпуса Ц и подошли к забору. Охранник приветливо улыбнулся Фареллу и открыл автоматические ворота. Здание корпуса стало совсем черным, от влаги прошедшего дождя. Все охранники были простыми и славными парнями с красными припухшими глазами и помятыми лицами, после ночных гулянок.

Коридоры были такими же, как и в корпусе Б, но уже без цветов и красочных картинок о правильном питании и профилактике инфаркта. Не было поручней вдоль стен. Здание было одноэтажным, на первом этаже были только раздевалки, посты охраны и комната для хранения уборочного инвентаря. Вся жизнь кипела в подвале. Лязгали железные замки, медсестры и медбратья так же шумели. Санитары лениво слонялись с суднами в руках и шаркали ногами. Два коридора. В одном двухместные палаты, в другом одноместные. В конце они сливались в один и замыкались постом сестры, кабинетом дежурного врача и процедурным. Лоусон сравнил бы это отделение с тюрьмой, но тюрьму он видел только по телевизору. И это не слишком походило на Оранжевый – хит сезона, который смотрела его сестра. Лоусон бежал за Фареллом по узкому проходу. За решетками палат были самые разные люди. Одни лежали, глядя в одну точку на потолке, другие кричали и метались, как животные. Третьи прилипли к дверям и просовывали свои пальцы сквозь прутья, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Час суда близок! Никто не уйдет от руки правосудия. На всех вас обрушатся горящие камни и кипящая смола. – декларировал седой, но не слишком старый мужчина. – Доктора! Ваши белоснежные халаты скоро окропит кровь! Они станут алыми! Алыми как небо на нашими грешными головами.

– Идем, Кори. Это, слава богу, не наш больной.

– Религиозный бред. – заметил Кори.

– Если хочешь с ним пообщаться, то тебе к доктору Калуум. А вот и она! Барб!

– Привет, Лео! Здравствуйте доктор Лоусон. – их поприветствовала высокая женщина с короткой стрижкой. На груди ее синего халата красовалось два бейджа. Один на имя доктора Барбары Калуум. Другой на имя сестры Ирен Эдисон.

– Снова прикрываешь эту лентяйку?

– У Ирен семейные проблемы. – ответила Барбара. Они начали разговаривать еще задолго до того, как встретились посреди коридора и обнялись.

– И она сама виновата в них!

– Эй! Кто это мочится на пол! – Барбара резко развернулась и ударила ладонью по решетке. – Барри! Немедленно надень штаны.

– Извините доктор Калуум.

Кори удивленно наблюдал, как гора мышц в шрамах отвернулась и залепетала словно ребенок.

– Еще раз увижу, скажу брату Гаррисону поставить тебе катетер. А тендер в этом году не сыграл и вазелина у нас нет. Унитаз. Мочиться. Приступай, – Барбара вновь повернулась к Фареллу, и ее грозная гримаса сменилась добродушной улыбкой. – Шварц на планерке сказал, что ты не сдал сорок историй. Почему не попросил помощи?

– Простите, генерал Арчер. Требую поддержки!

Барбара добродушно рассмеялась.

– Барбара, доктор Лоусон проходит практику, дашь ему как-нибудь взглянуть на Рафаэля?

– Да пожалуйста! Только не приноси ему библию, как бы он ни просил, Кори. Иначе он опять ее сожрет, а у него синдром раздраженного кишечника.

Кори кивнул, и они продолжили путь.

– Обычно я общаюсь с больными в палате, или через решетку. Но по правилам это нужно делать здесь. В комнате посетителей. Это твой первый день, поэтому будем работать здесь.

Кори оглядел комнату. Две двери. Одна для входа посетителя, вторая для больного. Посредине металлический стол и два деревянных стула. Посреди стола массивное кольцо, через которое пропущена цепочка наручников.

Брат Гаррисон, рослый и здоровый как шкаф, вошел через дверь для больных, стянул мокрую перчатку со своей руки и поздоровался с Фареллом.

– Я уже было подумал у нас проверка.

– У меня практикант, Джо. Я хочу показать ему, как нужно работать правильно, неправильно, он и сам научится.

– Кого привести?

– Давай Дастина.

Джозеф Гаррисон кивнул и скрылся за железными дверьми.

– Алан Дастин. Посттравматический синдром. Вернулся из Сирии и убил своего соседа. Потом будет Латаша Бригс. Шизофрения. В один прекрасный день отравила пятерых своих детей и мужа, потому что решила, что они не настоящие и их подослали убить ее.

– Термин шизофрения устарел доктор. Сейчас принято использовать аффективное расстройство.

– Как розу ты не назови... – процитировал Фарелл.

Гаррисон привел молодого мужчину, совершенно безразличного ко всему происходящему. Взгляд на тысячу миль. Можно сто раз услышать, но один раз увидеть этот симптом – дорого стоит для врачебной практики. Фарелл утомился и дал Кори возможность поработать. Но как Лоусон не старался не узнал ничего, кроме его имени и личного номера. Кори вновь задумался о своей жизни. Он спокойно просыпался, ходил в медицинскую школу, в то время как ребята, вроде Алана, гибли на войне. Они засыпали под звуки выстрелов и бомбежек. Как вообще он, маменькин сынок, может понять и вылечить человека, который защищал ценой жизни интересы его страны? Он ходил сутками в берцах и смотрел как убивают его друзей, что бы Кори мог ходить в халате за пятьдесят баксов.

Алана увели.

– Не унывай, Лоунсон. Много ли ты таких видел? Ни у кого с первого раза не получается. Для этого и существует практика. Миссис Бригс твоя. Я слова не скажу.

Кори кивнул. Гаррисон ввел темнокожую полную женщину. Увидев их, она ринулась назад, но Гаррисон держал ее крепко.

– Доктор Фарелл. Он хочет меня убить! – завопила Латаша, указывая пальцем на Лоусона. – Он убьет меня! Прошу вас! Помогите мне.

– Кори, выйди. – рявкнул Фарелл и побежал к Латаше, забившейся в истерике на плече невозмутимого брата Гаррисона.

Кори послушно покинул комнату посетителей. Это было очень обидно. Теперь Фарелл точно не даст ему разговаривать с больными. Посадит за бумаги, выставит четверки в конце месяца, и он отправится обратно домой.

– И дьяволом станет агнец. – вопил Рафаэль из своей камеры. Кори захотелось уйти отсюда. Убежать.

– Бога нет, Рафаэль! – громкий голос Барбары Калуум встряхнул Кори. Фарелл использует патерналистскую модель общения с пациентами. Он для них отец. Заботливый, но строгий. Он имеет власть над ними. Калуум старается отказаться от монолога и перейти к диалогу. Но жесткий характер стремится подавлять. Кори решил использовать полностью герменевтический подход. И пусть в этой деревне никто не слышал о биоэтике. Он постарается стать каждому больному другом.

Фарелл позвал Кори обратно.

– Реланиум наш друг, доктор Лоусон.

– Извините, Лео.

– У Латаши часто бывают приступы. Она привыкнет к тебе. Следующий Морган Смит. Двоюродный брат Кристины. Аффективное расстройство, – Лео сделал акцент на диагнозе, из-за упрека Кори. – Изнасиловал и убил тринадцать молодых девушек. Садист и животное. Я за то, чтобы таких сажали на электрический стул. Но также я, за то, что за таких как этот ублюдок нам доплачивают тридцать процентов,

Гаррисон ввел крупного парня, не старше тридцати. У него был маленький лоб и массивная челюсть. Белые брови на изрытом следами от акне лице.

– Здравствуйте доктор. Ко мне кто-то пришел?

– Я доктор Лоусон. Я работаю вместе с доктором Фареллом. Расскажите о себе мистер Смит.

– У вас есть девушка, доктор? – мягким голосом спросил Морган

– Нет.

– Очень жаль. Я бы хотел, чтобы вы рассказали, как она пахнет. – Смит закатил глаза. Кори почувствовал странное желание ударить в одну из этих отечных щек.

– А у вас было много девушек, мистер Смит.

– Они пахли дешевыми духами из костко и сигаретами. Они пахли солью.

– Достаточно. Джо, уведи его.

Барт подхватил Моргана за плечи.

– Они постоянно визжали и вопили не надо! Будто они королевы! Я не люблю, когда на меня кричат! – лицо Моргана покраснело от возбуждения.

– Не стоило. Я бы справился.

– Справляться будем в туалете! Или по миссисипи! – прикрикнул Фарелл и поднялся со стула. – Если хочешь, возьми истории домой.

– Куда вы, Лео? У нас ведь еще один пациент.

– Крашер, – доктор Фарелл поежился, словно от холода. – Это больной доктора Апекса.

Кори вспомнил портреты в холле корпуса А. Один из них был подписан фамилией Апекс. – Апекс уехал на повышение квалификации в Вашингтон, на полгода, и мне досталось несколько его больных, включая Крашера. Вытянул короткую спичку. Там все печально. Я люблю лечить людей. Видел всяких за свою практику. Но этот вызывает у меня отвращение. Признаюсь, честно, я не был у него уже пять дней. Надеюсь, он сбежал. Ну или умер. Можешь сам с ним общаться если хочешь. Я тебе за это по практике напишу такую характеристику, что тебе сразу диплом отдадут.

– Он так ужасен?

– В вашей школе таких не показывают. Клинический случай. Классическая темная триада, видел хоть раз в своих хосписах? Нет, конечно. Биполярное расстройство, функциональная социопатия, обсессивно компульсивное расстройство, мегаломания с бредом изобретательства. Пиромания. В четырнадцать собрал взрывчатку и взорвал в школьном туалете, трое погибших.

– Старик думает, что он Тесла? – уточнил Кори.

– Старик? Он твой ровесник.

Тут Кори уже серьезно удивился, большинство его ровесников не могли собрать даже лего, не то, что бомбу, да еще и в четырнадцать.

– И если честно, можешь усомниться в моей квалификации, но он имеет огромное влияние на собеседника. Аура у него такая. Дар убеждения. Он начинает говорить и будто в гипноз вводит. Мерзкое чувство. Он убил двадцать семь человек и одного полицейского. Двадцать семь. А что ты сделал в свои двадцать пять?

– Я... – Кори притих.

– Я шучу. Это шутка из интернета. Я думал молодежи такое нравится.

Кори такое не нравилось. Еще ему не нравилось, что доктор Фарелл посчитал мертвого полицейского отдельно от людей.

Оставив все свои записи Фарелл, ретировался из кабинета, бросив на прощанье строчку из письма генерала Ли Линкольну.

– Мистер... Гаррисон.

– Чего? – Гаррисон приоткрыл дверь. Он смачно нажевывал жвачку и ждал дальнейших указаний.

– Вы не могли бы пригласить Чарльза Крашера?

– Давай на ты док. И зови меня просто Джо, мне не пятьдесят лет. – Гаррисон улыбнулся. А он не такой уж и угрожающий. Когда он рядом становится спокойно, потому что его кулак больше головы любого из больных.

Пока к доктору Лоусону вели пациента, он успевал пролистывать толстую историю. Все обследования были противоречивы, а назначения... За такие назначения профессор Хоуп заставил бы их сожрать все назначенное разом.

Гаррисон втолкнул в кабинет пациента. Это был тощий блондин в клетчатой выцветшей от стирок пижаме, как и у остальных. Видимые руки и шея были в черных татуировках, но не в тюремных, а скорее в племенных индейских. Лицо больного не было приплюснутым, как у других местных. Острый нос и исследующие глаза. Они впитывали, пожирали каждый миллиметр комнаты, и всех, кто в ней находился.

Лоусон сохранял серьезность и безразличие, пока Гаррисон закреплял наручники на запястьях Крашера.

Кори старался не смотреть в историю, чтобы не упасть в грязь лицом, перед этим человеком. Да, Кори и сам отмечал, что в парне было что-то зловещее, но не так страшен черт, как его малюют.

– Здравствуйте. Меня зовут Кори Лоусон. Я ваш новый лечащий врач. – представился Кори.

– Лоусон. Как виски. Буду звать тебя доктор Виски.

А насильник хотя бы поздоровался.

– Как хотите. Расскажите мне о себе, пожалуйста.

– Виски, ты ведь не настоящий доктор. – Крашер резко наклонился и уставился на Кори снизу-вверх. – Из Нью Йорка?

– Вы уже обо мне слышали? – Кори пытался не показывать беспокойства. Он должен справиться. Он не должен звать брата Гаррисона меньше, чем через минуту. Мимика у Крашера была очень богатая. Пугающая и забавная одновременно.

– На учебнике маркировка Маунт-Синай, Нью Йорк.

– Вы очень внимательны, мистер Крашер.

– Чарли. – поправил Крашер.

Кори не ожидал от мегаломана с бредом изобретательства такого раскрепощенного поведения. Думал, он будет просить звать его профессором Крашером. Что ж. Это отличное начало.

– Как тебе Отектвуд? – вопросы начал задавать Чарли. Кори упустил момент.

– Нормально. А как ты себя чувствуешь?

– Как в психушке. – усмехнулся Чарли и грохнул стулом под собой. – Лео опять спит пьяный и свалил на тебя всю канцелярию?

– Может, лучше, поговорим о тебе, Чарли?

– Используешь метод общения доктор пациенту друг? Тебе претит патер, потому что рос без отца? Давай Виски, ты же хотел поговорить!

Кори резко почувствовал пациентом уже себя. К такому напору он готов не был. Крашер был шумен и настойчив. Все его слова звучали как приказы к действиям.

– Позвать Джо? – спросил Чарли.

– Да. У меня не было отца. А у тебя? – Кори хотел перетянуть инициативу на себя.

– А у меня был. Я выиграл. – Крашер играл мимикой и извивался на стуле. Предсказания Фарелла сбывались. Он был увереннее в себе любого здорового начальника. Лидера. И действительно обладал внушительным влиянием над собеседником. А еще, в отличие от всех пациентов, он смотрел прямо в глаза, ни отводил их, ни опускал, и они не бегали в его глазами.

цах как бешеные собаки. И от его взгляда становилось тесно в собственной голове. Из проявлений болезни, Кори разве что заметил, что Крашер непрерывно стучал ногой. Но и сам Кори не упускал возможности пощелкать ручкой на экзамене.

– Отец бросил мать, когда она забеременела мной и сестрой. – зачем-то сказал Кори. Его никто не призывал к таким откровениям, но почему-то фраза сама вылетела.

– Пытался его найти?

– Не считаю нужным. Из чего собрал взрывчатку, которая унесла жизни двоих детей и одной учительницы?

– Мука и удобрение. Запал сделал из шнурков. Пропитал бензином и покрыл парафином. Главное было рассчитать скорость горения. Эй Виски! Не позорься, – Крашер перегнулся через стол и оказался у самого лица Кори. Лоусон задержал дыхание и замер, будто встретил в лесу медведя и следует всем наставлениям учебника по безопасности жизнедеятельности. – Гаррисон подслушивает. – прошептал он и резко вернулся на место.

– Ты расскажешь о себе?

– В истории все написано. Можешь найти пятнадцатый выпуск Отектвуд двадцать четыре. За две тысячи пятнадцатый. Это местные новости. Мне посвящен целый эпизод. Еще моя статья о нагрузках на болотистую местность. А местность здесь крайне интересная. Джо! Я хочу в туалет! – завопил Крашер, и медбрат вывел его.

Лоусон оставался сидеть. Это был первый разговор с пациентом в этой больнице и самый странный.

Быстрый и настойчивый голос Крашера все еще звучал в голове. Кори чувствовал себя так, будто его прокрутили в стиральной машине. Джо закрыл дверь на замок. А Кори все сидел и сидел, глядя на пустой стул, пока Мириам не пришла мыть пол и не выгнала его.

Некоторые из сестер уже сменились ночными. Рафаэль все еще предвещал страшные картины библейского апокалипсиса, гремя судном по решеткам.

Фарелл спал на кресле в своем кабинете, на полу стояла пустая бутылка старого Смаглера. Кори тихонько сложил все истории в свой рюкзак и пошел домой.

Дома Кори ждала все та же грязь и пустой холодильник. Так дело не пойдет. Эндрю обещал посмотреть машину и сдержал свое обещание. Фары теперь не горели вообще, но за то старый дождь завелся и двинулся по вязкой от дождя земле. Прогноз погоды Лессера сбылся.

В половине седьмого из-за леса показался Отектвуд. Улицы были людные, кто-то спешил домой, кто-то на ночную смену. Третья достопримечательность города после церкви и закусочной сытого Билла, был гипермаркет для всей семьи. Он так и назывался. Это был неприглядного вида ангар снаружи с кучей отделов внутри. Продукты, дешевая одежда, инструменты и даже объявление, что скоро здесь будет магазин Эппл.

Алабама, Отектвуд 7:20 p.m.

Рейчел бы не одобрила ни один пункт в его списке покупок, кроме упаковки Гиннеса, но заботиться о правильном питании Кори было лень. Он стоял посреди зала с упаковкой блинчиков с сыром для микроволновки и вспоминал, есть в его шалаше микроволновка.

– Эй доктор, возьми лучше с беконом! На них скидка в пятьдесят центов.

Кори поднял голову и увидел старую новую знакомую Эйприл.

– У меня, кажется, есть только плитка и я не уверен, что она не взорвется, когда я ее включу.

– Вот так и доверяй законам об общежитиях для молодых специалистов. Мой отец сегодня в ночную смену на руднике. Хочешь пойдешь ко мне? У меня точно есть микроволновка и она точно не взорвется.

Кори молча кивнул. Девушка зовет его в гости. Не как приложение к сестре, а именно его. Свалив покупки в одну тележку, они двинулись на кассу. Эйприл рассказывала, как сегодня ей на ногу уронили галлон пива.

Дома у Эйприл был чуть лучше, чем в сарае при больнице. Пол в песке, всюду клетчатые прокуренные пледы, пахло кошкой.

Эйприл высыпала корм в пластиковую миску из трёхкилограммового пакета и рассыпала все кошачью еду по полу.

– Кис, кис! Жрать подано, Френки.

– Можно не скромный вопрос? – спросил Кори.

– Валяй. – ответила Эйприл и слегка покраснела.

– У тебя есть душ?

– По коридору налево. – Эйприл ожидала другого нескромного вопроса.

Ванна у Эйприл была завалена горами грязного белья, пустыми флаконами, и баночками. На стенах хозяйничала плесень. Кори вспомнил про грибок, но вариантов у него было немного.

За окном быстро стемнело из-за туч. Они с Эйприл курили в большую банку из-под растворимого кофе и смотрели какой-то полицейский сериал.

– У него убили напарника, а потом он впал в кому на семь лет и теперь пытается вернуть свою семью и найти убийцу напарника. – Эйприл вводила Кори в курс сюжета.

– Представляю какие у него пролежни после семи лет комы. Я не особо люблю такие сериалы. В детстве любил секретные материалы и твин пикс. Зато моя сестра любит.

– У тебя есть сестра? У меня тоже есть брат. Старший. Он работает в Чилдерсберге.

– А мы близнецы.

– Близнецы! – Эйприл подпрыгнула на диване. – Круто! Покажи её.

Кори достал телефон и стал показывать фото.

– Она красивая. Вы совсем не похожи.

– То есть, я не красивый? – удивился Кори.

– Нет, ты очень милый. Я имела ввиду что вы совсем разные.

– Мы разнояйцовые близнецы. Однояйцевые близнецы на самом деле большая редкость.

– Она тоже врач?

– Мы учимся вместе. – Кори оглядел пыльные фотографии в рамках. Увидел брата и отца Эйприл. На одном, совсем старом фото, где у Эйприл еще нет зубов, была милая женщина.

– Твоя мама, она...

– Умерла. – ответила Эйприл.

– Извини.

– Ничего. Я ее почти не помню. У нее был рак.

– А у нас с Рейчел нет отца. Он бросил мать...

– Ну и козел. Бросить таких клевых близнецов!

– Ты знаешь Кристину Смит? – зачем-то спросил Кори. Обсуждать пациентов с кем-либо не этично. Но это всего лишь Эйприл. К тому же от нее можно узнать больше, чем от Фарелла и самой Кристины.

– Самоубийца. В марте пыталась спрыгнуть с водонапорной башни. Собрала кучу народа.

– Жаль девочку.

– Ее мать наркоманка. И ее кузена я тоже знаю. Он убил мою одноклассницу.

– Его я тоже видел. Он подвергался насилию в детстве?

– Наверное. У них вся семейка долбанутая. Морган жил у тетки, матери Кристины, мать занималась проституцией. Обе Смит были такие и бабка их тоже. У него были всегда мерзкие потные ладошки. Господи, мы все учились в одной школе. Идиотский город. Накоплю денег и свалю в Бирмингем.

– Пойдешь учиться или будешь работать официанткой?

– В Макдональдсе отличный соцпакет и график.

Кори замолчал. Ему легко судить свысока. Он из богатой семьи, его мать владеет фирмой по продаже недвижимости. Он ходил в лучшую школу и занимался шахматами. А для Эйприл соцпакек Макдональдса высшая ступень карьеры. И кто из них прав неизвестно.

– А Чарльза Крашера ты знаешь?

– Кто тут не знает Крашера? – Эйприл бросила пустую бутылку за диван и открыла новую. – Крашер твой одноклассник. Я помню, когда он взорвал толчок. Наша семья тогда испытывала трудности и у папы не было денег, чтобы скинуться на похороны миссис Гарфанкл и двух детей.

– Гарфанкл? Погибшая учительница не родственница ли Уильяма Гарфанкла?

– Это его жена. Старик лежит в Отектвуде. Я знаю.

– У Крашера были друзья, с кем он общался?

– Крашер? Он считал себя гением, а всех остальных тупыми обезьянами. Во втором классе он ударил Тома Розенталя качелей по голове, и мальчик умер. Все списали на несчастный случай.

– Над ним издевались в школе?

– Это он издевался над всеми. У него была пара прихвостней из класса физики. Он за них учился, а они околачивались возле него. В восьмом классе он понравился моей соседке Джанет. Отношениями это назвать было нельзя, она бегала за ним как собачонка, потом ограбила магазин, по его же наводке и села в колонию для несовершеннолетних.

– Он и правда умеет манипулировать людьми?

– Отец запрещал мне с ним общаться. – Эйприл ушла в дебри своего детства и положила руку Кори на колено.

– А потом? Город маленький, все знают про всех.

– Не помню. Вроде потом он уехал учиться в инженерный колледж. Вернулся через два года, проходить практику на местной шахте. Ее сейчас закрыли из-за финансирования. Не знаю, что произошло, но по его вине погибли одиннадцать человек. Потом его долго искала полиция. Приезжали даже федералы. К черту Крашера.

– Он печатался в газетах, у тебя нет старых газет?

– Кори, – Эйприл развернулась к нему. – Сходи в местный архив, если так хочешь узнать о Крашере. Я не доска объявлений.

– Прости.

Сериалы сменялись один за другим. Полиция Нью-Йорка, Менталист, Кости. Кори задремал, а Эйприл все курила, щелкала открывалкой и смотрела телевизор.

Энцефалопатия

Лукас не чувствовал пальцев и совсем не от холода. Остин дымил своей трубкой ему прямо в лицо.

– Говори по-английски! Животное! – кричал Генри.

Посреди комнаты, на деревянном стуле сидела одна из женщин племени. Ее привели из-за высокого забора. Ее темные руки были крепко привязаны к подлокотникам. Она была истощена.

Женщина ерзала на стуле и уворачивалась от рук Генри, что пытались обхватить ее голову. Она выкрикнула несколько слов, на незнакомом языке и плюнула Генри в лицо.

– Сука! – Генри ударил женщину кулаком в лицо. Лукас поморщился, а Остин еще сильнее засмолил своей трубкой. – Что вы сделали с Джеком? И с Бобом?

– Не хочешь по-хорошему? Плевать, – Генри накинул веревку на горло женщины, так, чтобы она держала шею в одном положении, но не душила. – Я все равно узнаю все ваши тайны.

Генри развернул кожаный чехол-скрутку с множеством ножей и пил. Взяв в руку тонкий скальпель, он провел по коже женщины и темная кровь полилась на ее лицо. На веки, губы и щеки. Она смешивалась со слезами бедняжки. Лукаса тошнило. Генри закончил круговой надрез и взял маленькую ручную пилу и с силой прошелся по черепу. Женщина не шевелилась. От боли она потеряла сознание. В Лукаса и Остина летели костные опилки, а Генри продолжал пилить и приговаривал.

– Я все равно проберусь в ваши головы! Все секреты этой земли будут моими!

Алабама, Отектвуд 6:10 а.т.

– Кори! Вставай! Кори, отец скоро приедет.

Кори еле разлепил веки. От грязного покрывала на диване Эйприл у него начался конъюнктивит. Спина затекла, плечи ныли.

– Давай! Тебе нужно в больницу.

Кори сполз с дивана, запинаясь о пивные бутылки. Он натянул вчерашнюю одежду, проверил помятый костюм в рюкзаке. Он так хотел заполнить истории, но вместо этого он заполнял свою голову ненужной болтовней и желудок пивом.

– Ты боишься своего отца? Или что?

– Я просто не хочу лишних вопросов. Давай, Кори. Тебе пора!

На лице появились клочки рыжей щетины. Глаза слезились. Кори опоздал, но его куратор не мог этого заметить, так как не явился еще сам.

– Где доктор Фарелл?

– Опять развязался. Придет только к обеду.

Сестры обсуждали Лео. Они смеялись над его манерой общения и осуждали то, что он не явился на работу, хотя от каждой второй разило перегаром, а ампулы тряслись в руках. Шел девятый час. Фарелл не появился и Кори решил, что пора начинать обход без него.

На третьем этаже ничего не изменилось. Кристина лежала под одеялом, не проявляя никаких эмоций. Миссис Прич ела поролон.

– Доброе утро. Как ваши дела?

Ответа не последовало.

Кори не стал тратить время и вышел.

– Сестра Грегсон, я бы хотел внести изменения в назначения. – Кори протянул ей новый чистый лист, написанный аккуратным почерком.

– Анализ на гормоны щитовидной железы? У нас такого не делают.

– Я знаю. Курьер придет завтра в десять в лабораторию. И выдайте пациентке Смит амитриптилин три раза в день, по двадцать пять миллиграмм.

Грегсон медленно прошла к шкафу и начала перебирать таблетки. Кори терпеливо ждал. Наконец, сестра нашла нужную пачку и выдала в таблетницу.

– Двадцать пять. Половинку. – Кори не выдержал и сам разломил таблетку.

– Вы что, читать не умеете? – вмешалась Мариам.

– Всякое бывает. Работы много. – Кори встал на защиту сестер. Еще не хватало, что бы санитарка влезала в его работу.

Сестра Тисс в это время, стоя на коленях искала что-то под манипуляционным столиком. Пошатываясь, она поднялась на ноги, дунула на упавшую иглу и надела обратно на шприц. Кори немедленно покинул кабинет. Он подозревал, что чем дальше от крупных городов, тем хуже работа медицинских организаций. Но это? Больница известная на весь штат, где сестры валяют иглы по полу? Об этом нужно написать в твиттер.

Мужчины шли на контакт более охотно. Кори узнал, что Алекс научился завязывать шнурки.

– Это единственное, что должен уметь мужчина, но есть кое-что еще.

– Что? – удивленно спросил Алекс.

– Зубная нить.

Алекс надул губы, словно ребенок. Он и был ребенком по развитию.

– Я не хочу.

– А я не хочу гладить халат. Но надо. Завтра ты покажешь мне, чему научился. А я приду на работу не такой мятый. Идет?

Парень неохотно кивнул. Для Кори это была огромная победа. Пациент не впал в истерику, не ел матрац и разговаривал с ним.

– Надеюсь завтра доктор Лоусон научит тебя вытирать задницу. – комментарий Мириам, протирающей окна не заставил себя долго ждать.

Старик Гарфанкл снова предложил показать фокус.

– Вы вчера мне показывали.

– А это другой, сынок!

Фокус оказался тем же самым. Кори похвалил больного за чувство юмора и помог лечь обратно в постель. Поправляя подушку, Кори обнаружил целую горсть таблеток. Такую, что не влезала в две ладони.

– Сестра Грегсон, что это?

– Таблетки. – ответила Грегсон.

– Я вижу. Что они делают под подушкой мистера Гарфанкла? Вы вообще контролируете прием препаратов больными? – Кори высыпал горсть в мусорное ведро. – С сегодняшнего дня все мои пациенты пьют лекарства в вашем присутствии.

– Ваши, не ваши. – начала Мириам, облокотившись на швабру. – Вон они эти таблетки, по всему полу, по всем тумбочкам. Мне и без них мусора хватает.

– Доктор Лоусон, поступил больной, Льюис Бартон, мы положим его к вам в палату? – в палату вошла Алана со свежей тонкой историей в руке.

– Разумеется, сестра Колбан.

Сестра кивнула и завела средних лет мужчину. Правый глаз был почти невиден из-за отека. Щека синела. Пижама оказалась ему велика, и он прикрывал тощую грудь.

– Диагноз?

– Не указан. – пожала плечами Алана. – Он считает себя женщиной.

Кори приподнял бровь.

– И что? Это повод для госпитализации?

– Это не Нью-Йорк, доктор. Здесь это болезнь.

– Кто направил его сюда?

– Доктор. Почему меня кладут сюда? За кого вы меня принимаете? Что происходит?
Кори вывел обоих в коридор.

У Льюиса наблюдался невроз, нарастало паническое состояние. Нужно было что-то делать.

– Я доктор Лоусон. А как вас зовут?

– Люси. – представился Бартон. Алана закатила глаза.

– Что вас беспокоит, Люси?

– Мой глаз. Господи, я уродина.

– Не правда, Люси. Это всего лишь синяк! – Кори взял больного за руку. Пульс уряжался. – Вот как мы поступим. Сестра Колбан, отправьте больную на рентген черепа и лицевых костей. Потом в перевязочную и в третью палату.

– Это женская палата. – настаивала Колбан.

– Алана, – Кори отвел сестру, чтобы Бартон не слышал. – Нам сейчас нужно не усугубить положение. Если он считает себя женщиной, положите его в долбаную женскую палату! Там все равно никто не лежит! А еще у него все симптомы сотрясения.

– Нет. Согласно статье о застройке земельных участков от две тысячи первого года, вам не нужно оплачивать свыше двадцати пяти процентов! – Николсон опять вопил по воображаемому телефону-тапочку.

– Мистер Николсон, вы в больнице! Немедленно уберите телефон!

Николсон впервые замолчал и вытаращил глаза на Кори.

– Хватит работать. Пора лечиться. – Кори отобрал тапок у мистера Николсона. И тот вовсе растерялся. Через минуту он кричал, что будет жаловаться в министерство и выкрикивал номера статей. Но Кори было все равно. Кори назначал ему галопиредол.

На обед давали хваленый Аланой рыбный суп. В зеленой воде плавали куски картофеля и какой-то крупы.

Мириам говорила без остановки и у Кори разболелась голова. Запах рыбного супа, пульсирующие воспаленные глаза, непрерывное недовольство санитарки. Голова хотела лопнуть. Кори бросил алюминиевую ложку в тарелку и вышел. Слыша за спиной как Мириам, возмущается не вымытой им посуде.

Это оказалось тяжело. И не больные и их состояние, а коллектив и царившая в нем атмосфера. Все ругались. Кричали, высказывали недовольство, из кожи вон лезли чтобы зацепить друг друга. Санитары лезли в работу врачей и сестер. Сестры томно вздыхали и закатывали глаза на назначения врачей, будто их просили ни укол сделать, а разгрузить вагон металлолома.

Кори закрылся в кабинете Фарелла и разложил перед собой листы назначений. Да, у Фарелла таблеток не выпросишь, как снега летом. Зато доктор Апекс был слишком щедр. Кори отменил все одной большой чертой. Обед закончился. Отделение погрузилось в тишину. Ну как тишину? Все продолжали шуметь и только Мариам напоминала им о сон часе.

Кори достал пропуск в полиэтиленовой упаковке, чтобы тот не истерся. Охранники приветствовали его, все так лениво курая под навесами, прячась от дождя. Как и вчера.

– Добрый день, доктор Лоусон. А где доктор Фарелл? Валяется у себя в кабинете? – охрана внутри была более общительной.

– Нет. Доктор Фарелл решил дать мне немного личного пространства для обучения.

Охранник усмехнулся. Он, разумеется, в это не поверил. Дастина увели на электросон. Бригс еще не отошла от вчерашнего потрясения. Смита Кори не хотел видеть сам. Он уверенно шел по коридору к палате номер одиннадцать.

– Убоитесь судного дня, ибо станет он единственной вечностью и истиной. – доносилось из соседнего коридора.

– Решили отрастить бороду, доктор Лоусон? – спросил санитар Ли. Мейсон Ли, был очень шумным, но не раздражающим как Мариам. Веселый, но не простак. Наряду с чудаковатой

внешностью в виде кучи пирсинга у него были крашенные в вишневый старушечий цвет волосы и вечно грязный костюм в пятнах. Его упрекали в неопрятности даже больные, но Кори был слишком воспитан, чтобы тоже делать это.

– Вы бы получили шокер у охранника.

– Я пришел лечить, а не демонстрации разгонять. – грубо ответил Кори санитару. И у решетки в ту же секунду возник Крашер.

– Виски. А я знал, что ты придешь.

– Разумеется, обход каждый день. – резко сказал Кори, и Крашер отпрял от решетки.

– Кто тебя так разозлил? Это ты, Мейсон, засранец. Только попробуй злить Виски, и я тебе пальцы переломлю.

– Задницу себе не сломай. Я тебе такую сладкую жизнь устрою... – из весельчака Ли в миг превратишься в какую-то бестию. Кори растерялся.

– Мейсон, оставьте нас. – приказал Кори, но это совершенно не подействовало. Ли продолжал вопить и сыпать угрозами, а Крашер смеялся, прижимая свое лицо к решетке.

От шума у Лоусона вновь загудела голова. Он ведь доктор и его должны слушать.

Наконец Ли ушел, проклиная всю больницу и тот день, когда он сюда устроился.

– Обожаю его злить. Он потом срывается на сестрах и портит бумагу своими заявлениями на увольнение.

Кори не ответил. Он все еще не понимал, почему его считают пустым местом. Почему на его назначения реагируют, как глобальное потепление. Неужели практика нужна только для того, чтобы амбициозные студенты поняли, что они никто, и все что они делают бесполезно, и никому не нужно.

– Лечи меня, Виски. Я умираю! – Крашер картинно приложил ладонь ко лбу и упал во весь рост на пол. Кори вздрогнул, будто это его затылок с таким шумом ударился о пол.

– Ты что делаешь?! – Кори быстро открыл решетчатую дверь вбежал внутрь палаты-камеры. – Голова не кружится? Не тошнит? – он наклонился над валяющимся на полу Крашером.

– Попался. – Крашер схватил его за запястье. У него была каменная хватка, не смотря на худобу. Кори пожалел, что не взял шокер у дежурного. Пожалел, что вошел в палату, пожалел, что приехал в Отектвуд. Но Чарльз отпустил его.

– Не теряй бдительность, Виски. Будь это не я, Ли отмывал бы твои кишки от стен.

– Встретимся завтра, Чарльз. – Кори устремился к выходу.

– Виски, тебя кошмары не беспокоят? – Чарли вновь повис на решетке, пока Кори закрывал дверь.

– Нет.

– Скоро начнут. – пообещал Крашер.

На ужин давали кашу с колбасой из резины и крахмала. Больные Лоусона еще не отошли от обеда и почти все терапии и прогулку пропустили из-за диареи. Пришлось назначить всем лоперамид. Сестра Тисс была очень недовольна. Ведь суточный запас подобных лекарств был небольшим, а она уже рассовала пару пачек по карманам, чтобы унести домой.

Голова болела, желудок предательски урчал. Лоусон нашел в столе Фарелла стратегический запас шоколада и конфет на случай ядерной войны. Шоколад был во всех ящиках, в сейфе, между документами, в карманах халатов.

– Шоколад повышает уровень серотонина. – Кори усмехнулся. Третий день, а уже разговаривает с самим собой. В Нью-Йорке рядом всегда была сестра. Так что любая сказанная вслух фраза не оставалась без ответа.

Кори измерил себе давление, сто двадцать на восемьдесят. Пульс в норме. Значит внутричерепное давление. Чтобы не беспокоить сестер и не видеть их недовольные лица, Кори

решил расширить сосуды народным способом. Из коллекции доктора Фарелла ему как раз попала бутылка Вильяма Лоусона.

Кори никогда не давали прозвища. До пятого класса, он был «очкариком». После стал просто Кори. У его сестры была куча прозвищ. Кроме основного: Рей-Рей, Рейган, и иногда веселая Лоусон. Последнее подразумевало наличие Лоусона зануды. На первом курсе, когда она изъявила желания стать сексопатологом, к ней прилипло прозвище доктор Секс. А тут, когда он прожил почти четверть века ему дали прозвище, и не какое-нибудь глупое и обидное, а Виски.

Кори сделал глоток, сморщился. И как взрослые пьют это без колы?

Сделав еще один глоток и закусив шоколадом, Кори принялся за работу. Отклеивал ненужные и чужие анализы, дописывал осмотры. Вот теперь порядок. Кори разложил все документы по папкам, брошюры по алфавиту, вытер стол, выбросил грязное стекло, под которым лежали всякие заметки пятилетней давности. А заодно узнал чуть больше о докторе Фарелле. Он родился и учился в Монтгомери. Судя по университетским фотографиям в молодости, он был тощий, сутулый. Носил челку похожую на грабли. Он, как и Кори проходил здесь клиническую практику и после остался работать. Фотография в рамке на столе изображала измученного доктора и двух полных женщин. Одна молодая, вторая ровесница Фарелла. Жена и дочь. Кори был уверен, что они местные. Узкие лбы, светлые волосы и ресницы.

«Не успеешь моргнуть, а ты уже фермер и у тебя пятеро детей.» – вспомнились слова Рейчел. Шум в отделении сошел на нет. Кори решил, что идти домой уже поздно, да и не хотелось показываться охране пьяным.

– Помоги мне! Кори!

Лоусон слышал голос сестры, но не мог понять откуда он исходит. Он стоял посреди коробки из белого кафеля, покрытого трещинами и грибком.

– Кори! Я больше не могу! Пожалуйста!

– Рей-Рей, где ты? – спросил Кори в пустоту. Рейчел звучала так тихо и печально. Шлепая по мокрому полу, Кори пытался найти выход и вот он. Коридор, двойной коридор как в корпусе Д. Кори хотел идти быстрее, но ноги ломило, и он плелся как старик.

Везде был разбросан мусор, шприцы, стальные инструменты. Шорох в параллельном проходе.

– Рейчел? Это ты? – Кори приоткрыл, висящую на одной петле дверь. Кабинки как в раздевалке, разбитый телевизор и деревянный стол, покрытый слоем сигаретного пепла. Посередине возвышалась банка нескафе из которой торчали острые окурки. За столом сидел женский манекен в парике. Открыв следующую дверь, Кори очутился в бассейне. Он знает этот бассейн. Они ходили сюда в детстве с сестрой, пока у него не началась аллергическая астма от хлорированной воды.

– Почему бы не искупаться? – сказал себе Кори. Сбросив халат и брюки, Кори вошел в зеленую застоявшуюся воду. Он проплыл от борта до борта, отбрасывая в стороны плавающий мусор. В тело вернулась сила. Под водой, промелькнуло едва заметное темное пятно. Кори оттолкнулся и выплыл на середину. Пятно кружило вокруг него. Кори чувствовал страх, но ничего не мог поделать с собой. Он двигался за пятном, пока то не превратилось в желтую макушку над водой. Оно росло, показался лоб, две белесые брови и пороссячи глаза. Морган Смит. Кори не чувствовал дна, а Морган будто шел по нему ногами.

– Рейчел такая красивая. Даже не вериться, что вы из одной утробы. Она так хорошо пахнет, ты знал? Она теперь моя девушка.

– Что ты с ней сделал? – Кори не мог пошевелиться. Вода затвердела, словно бетон.

– Ничего. Она теперь будет здесь. Со мной.

Вода вновь стала жидкой и Смит, положил свою массивную потную руку на голову Кори погрузил его в воду.

Без возможности выбраться, Лоусон махал руками и ногами, но они растворялись в непроглядной зеленой воде, не принося никакого вреда Моргану. Кусок железа на дне. Кори едва дотянулся до него и ткнул наугад. Рука исчезла с головы. Кори всплыл. Зеленая вода быстро окрашивалась багряным. Бледная туша Моргана прибилась к стенке.

– Кори, пожалуйста, мне страшно!

Втирая кровавую воду в волосы, Кори поплыл. Выбраться было сложно. Руки соскальзывали с борта бассейна. Вода начала смердеть.

Скользя босыми ногами по кафелю, добрался до кабинок. Он открывал все двери, вырывая их из тонких стенок шкафов. Но сестры нигде не было.

– Я ничего не вижу, Кори. – раздалось за спиной. Кори обернулся. Все тот же стол, банка окурков и манекен.

– Рейчел? – Кори обошел манекен и коснулся пластика. Он был теплый. – Рейчел, ты там? – Кори сорвал парик с головы, пытаясь найти шов. – Потерпи, Рейчел. – Зацепившись за ухо Кори начал срывать пластмассу. Она отрывалась прямо с кожей. На месте нарисованных глаз, показались заплаканные испуганные глаза Рейчел. Кожи на лице не было. Она осталась на маске.

Алабама, Отектвуд, лечебница 5:00 а.т.

Собственный крик разбудил Кори. В кабинете было темно и холодно. Халат прилип к спине и был ледяной. В полной темноте, Кори отрывисто кричал и пытался схватиться хоть за что-нибудь. Но под его руками был только гладкий ковер. Зацепив край паласа пальцами, Кори накинул его себе на спину. Дыхания не хватало. Яркий свет экрана телефона едва не ослепил его. Без очков, наугад он нажал на последний вызов. Гудки пошли. Кричать больше не хотелось. В темноте проявились очертания стола, кресла, шкафа с бликующими стеклянными дверцами.

– Рейчел?

– Какого дьявола, Кори. Шесть утра! – сонный голос Рейчел отогнал страх окончательно. В кабинете стало значительно светлее. Под ковром жарко.

– Ты в порядке? Ты одна? Двери заперты?

– Да, да и еще раз да. Что с тобой?

– Ничего. Извини что разбудил. Пока. – Кори бросил телефон на ковер и раскинул руки. Последний раз кошмар ему снился в двенадцать. Будто на него напала огромная змея прямо дома. Кори знал, что не склонен к сновидениям подобного характера. Он не ел на ночь жирного, читал легкие книги и старался не возбуждать психику за два часа до сна.

Прокравшись в ванную комнату для персонала, по темному коридору Кори смыл с себя остатки ночного кошмара. Вернувшись в кабинет, Кори спрятал следы пьянства на рабочем месте, открыл окно и закурил. Сейчас он мог наблюдать спешащих в больницу работников. Вот главная сестра Шварц отчитывает курящих у ворот санитаров. Хирург Бердс пристегивает свой велосипед. Ли уже ругается с кем-то по телефону. Сестра Колбан и доктор Шварц выходят из одной машины. Он вежливо открывает девушке дверь. Это было интереснее, чем ожидал Кори. У Фарелла отличный кабинет. Из него видно почти всю территорию больницы.

Эндрю стрижет газон, периодически сморкаясь в скошенную траву. Диетсестра Денис несет ведро объедков, пакет хлеба и сока после завтрака. Сумки явно тяжелы. Она еле отрывает их от земли, но все равно тащит их к своему форду. Ли и брат Гаррисон везут тело, накрытое простыней в сторону морга. Ветер срывает простынь, обнажая мертвое тело. Мейсон догоняет кусок ткани и Джо хохочет.

Пора на обход. Кори натянул один из халатов Фарелла, так как его был полностью измят во сне и стал перекладывать содержимое своих карманов. Ручки, блокнот, карманный фармацевтический справочник, челюсть.

Кори выронил протез из рук и тот покатился по ковру. Лоусон едва не взвизгнул и брезгливо вытер руки о чужой халат. Он не помнил, что бы клал подобное к себе в карман. С этим нужно разобраться.

– Вы сегодня поздно на обход, Доктор Лоусон. – заметила сестра Тисс.

Лоусон оглядел коридор. Мариам и Ли трут полы. Грегсон болтает по телефону. Доктор Хамсвилл трет лицо антисептиком. Кто-то из пациентов в него плюнул. Все в сборе.

– Я, конечно, люблю шутки. И в школе очень смеялся, когда прятали мой портфель, но это слишком. – Кори вынул вставную челюсть в пакетике и положил на стол.

– Отнести это на склад? – спросила сестра Грегсон.

– Нет. Кто-то положил мне это в карман? Это не смешно. Верните пациенту, скоро будут раздавать яблоки.

– Среди индейских племен было распространено дарение клыков животных и украшений их них. Зубы дарили объекту симпатии и ухаживания. – сказала сестра Доу и весь персонал загудел от веселья.

А Кори еще посчитал ее адекватной.

– Если девушка надевала украшение перед племенем, значит она принимает ухаживания. Устав слушать этот бред Кори зашел в палату.

– Хелен, это, наверное, ты и сделала. – с ухмылкой спросила сестра Тисс.

– Конечно! Хочу молоденького доктора себе в любовники.

Девушки рассмеялись.

– А что смеетесь то? – встряла Мириам, громко звякнув ведром. – Парень то красивый и богатый. Из Нью-Йорка, туфли как вся моя зарплата. Эх, где моя молодость?

– Вот именно, из Нью-Йорка. По любому голубой! – сказала Грегсон.

– Что ты наговариваешь на парня?!

– Да у нее любой, у кого все зубы на месте и пахнет не перегаром и машинным маслом – гей. Даже Грегсон?

Кори вылетел из палаты и сестры замолчали.

– Где Кристина Смит?

– Ее мать забрала. – ответила Тисс.

– Но я ее не выписывал.

– Она приехала и сказала, что хочет забрать дочь. Мы позвонили доктору Фареллу, и он разрешил.

Кори вздохнул и вернулся обратно в палату. Алекс порезал десну зубной нитью. Гарфанкл снова показал фокус с глазом. Лессер обещал теплую погоду и конференцию с представителями северной Кореи. Николсон снова работал по телефону-тапочку, но завидев доктора прервал свою деловую беседу. Это было вежливо с его стороны. И этой вежливости научил его галоперидол. У многих пациентов, которым Кори назначил новое лечение отметилась положительная динамика. Нервозные состояния уменьшались. И это только спустя сутки. Кори уже представлял, что будет через месяц и два если Фарелл поддержит его лекарственную терапию. Такие как Притч и Николсон смогут частично вернуться в социум. Алексу не понадобится сиделка, чтобы самостоятельно обслуживать себя. Он будет сам стирать вещи и возможно, устроится на спичечную фабрику, где есть вакансии для инвалидов.

Доктор Лоусон пребывал в прекрасном настроении. Он даже забыл о дурном сне. На радостях он взял у Ли отраву от насекомых, несколько тряпок и чистящих средств. Мириам, конечно, посоветовала ему все это купить в ближайшем магазине, но Ли махнул на нее рукой и дал доктору все, что нужно.

На обед давали овощной суп. Под овощами подразумевался картофель и кусочки морковки, настолько редкие и маленькие, что их можно было и не считать. Кори решил еще подержать себя на шоколаде и алкоголе. Он еще не готов к больничной еде.

Алабама, Отектвуд, 3:40 p.m

Больные только вернулись с прогулки и были крайне возбуждены. Из камер-палат доносились крики, плач и прочая какофония. Кори невольно сравнил этот шум с шумом зоопарка, куда они так любили ходить с сестрой в детстве. Точнее Рейчел любила. Кори предпочитал музеи, но Рейчел топала ногами, плакала и мать вела их в зоопарк.

Латаша Бригс все еще прятала голову в пижаму, при виде его. Дастин что-то бормотал себе под нос, глядя сквозь стену. Смита вели по коридору Джо и два охранника. Он поджимал под себя ноги, так что им приходилось его тащить и кричал своим писклявым голосом:

– Вы запугали ее? Она должна была прийти ко мне! Доктор, зачем вы это сделали?

– Что случилось?

Джо отправил охранников вперед, а сам остановился.

– Кто-то сказал ему, что здесь были его тетя и кузина. Видимо сестры опять чесали языками возле камеры. Ему это пришлось не по вкусу. Чуть пальцы мне не сломал. Ничего, сейчас освежим его.

– Я сейчас напишу назначения...

– Лекарства еще тратить на эту свинью! – фыркнул Джо.

Выбор у Кори был невелик. Точнее отсутствовал. Беседовать в палате при такой какофонии было невозможно, и он решил воспользоваться комнатой посетителей, которой пренебрегал доктор Фарелл.

Крашер, был единственным, на кого прогулка не подействовала. Ногой под столом он тряс и до этого.

– Как твои дела, Чарльз?

– По-прежнему. Разве что Морган сегодня повеселил всех на прогулке. А как твои, Виски?

– Неплохо.

– Знал, что Морган одевал убитых девушек в платья своей матери?

Кори чуть не поперхнулся воздухом. Было уже трудно скрывать, что он этого не знал.

– В истории этого нет. Осталось в полицейском отчете, а может и вовсе осталось незамеченным. Это же деревня.

– Ты хорошо знал Моргана? – Кори решил воспользоваться этим и узнать, как Крашер относится к таким преступлениям.

– Здесь все друг друга знают. Обе Смит спали со своим отцом. У младшей родилась Кристина, у старшей Морган.

– Инцест, насилие в семье. Я так и думал.

– Родители доктора Апекса сводные брат и сестра. Это юг, Виски.

– Расскажи о своих родителях? – Кори перепрыгнул с темы и очень ругал себя за это.

– Отец был главным инженером в шахте. Мать школьным психологом. Единственный ребенок. Была кошка, умерла в две тысячи девятом от старости.

– Ты хотел быть похожим на отца?

– Нет. Здесь просто работать больше нигде. А сейчас рудник и вовсе закрыли из-за недостатка финансирования.

«Родители к нему не приходят, значит умерли. Стоит ли спрашивать об этом Чарльза? А может он их и прикончил?» – думал Кори.

– Нет, Виски, я не убил своих родителей и не закапал на заднем дворе, – ответил Чарльз, будто бы прочитал мысли Кори. – Отцу предложили работу в Джорджии. И они уехали. В две тысячи восьмом году.

– И оставили пятнадцатилетнего подростка одного?! – возмутился Кори.

– Я уже лежал здесь. Они рассчитывали, что меня никогда отсюда не выпустят. Но через полтора года, мне дали инвалидность и выпустили. Я был на попечительстве у Марты Гудвилл.

– Насколько мне известно, ее ты тоже убил.

– Она собирала детей из приютов и больниц, потом заставляла работать у себя на ферме. Я столкнул ее в колодец. Но все свидетельствовали против Майкла Гудвилла, ее родного сына. Он часто поколачивал приемных детей и мамашу, за то, что не давала ему денег на крек. Пока шло слушание, я болтался по городу, так как был на домашнем обучении, прятался в подвале, в своем доме. В девятнадцать лет я по программе для инвалидов поступил в колледж в Монтгомери на строительный факультет. Меня распределили сюда на рудник филиала Барнер каброн юнайтед, в Отектвуде. Это угольная шахта. Открытая в тысяча девятьсот первом году. До шестидесятых принадлежала Прайт консалтед. За всю историю там погибло больше тысячи шахтеров. Первая авария произошла в тысяча девятьсот двенадцатом году, но все были заняты трагедией на шахте Баннер. Там погибло сто двадцать восемь, а здесь сто двадцать семь. На одного меньше.

– В то время на шахтах работали заключенные. В основном темнокожие. Убийства, аварии и бунты были для них рутиной.

– Думаешь сейчас что-то изменилось, Виски? Большинство работников на руднике Отектвуд бывшие заключенные, которых не берут из-за судимости на нормальную работу. Да и нормальной работы в нашем городе нет.

– Как и ты.

– Я собирался стать инженером. И работать на поверхности. Те одиннадцать шахтеров завалило не по моей вине, хотя мне несколько их не жалко. Я ведь их всех предупредил.

– Они издевались над тобой?

– Они меня боялись.

– Ты совершил первое убийство в восемь лет.

– Я просто отпустил качели. Томми оказался не в том месте и не в то время. Ты ведь тоже препарировал живых лягушек в школе.

– У нас теперь точные копии человеческих тел со всеми органами. Лягушек давно никто не препарирует.

– А разве не хотелось посмотреть на живые органы. Одно движение и человек спасен. Одно движение и человек мертв. Ты этого боишься? Не переносишь вида крови? Поэтому решил стать психиатром.

Да этот сукин сын видел Кори насквозь. Он действительно боялся вида крови. Хоть и переборол свой страх, работая в госпитале ветеранов, он никогда бы не смог оперировать человека.

– Взрыв в школе. Ты тоже хотел посмотреть, что будет?

– Я хотел сорвать историю. Там все равно читают вранье из учебника. Я учился самостоятельно.

Кори глянул на часы. Без пятнадцати шесть. Время за беседами с Чарльзом пролетало как истребитель. Он умел интересно рассказывать. Все свои истории он сдабривал активной, насколько позволяли наручники, жестикуляцией и мимикой. С придыханием. Будто играл на сцене.

– Извини. Но нам нужно немного поработать. Это для моей учебы.

– Валяй, Виски. Если будут какие-то вопросы, приходи в любое время.

Кори достал заранее распечатанные тесты Роршаха, и Чарльз закатил глаза.

– Что видишь?

– Бабочка, тазовые кости, два кролика бьются лбами, трансформер, младенец в кепке с лопастями, женская блузка с рукавами воланами, футболисты сиамские близнецы. Мы закончили, Виски? Мне эту хрень дважды в год показывают.

– Еще три.

– Винтовая лестница, бюст женщины, придворный клоун.

– Ты издеваешься?

– Примеры ответов из твоего учебника, Виски?

Кори молчал. Вот он момент, когда можно задавать наводящий вопрос. Личный вопрос.

– Чарли, ты... – Кори прервал шум за дверью. Это был грохот, как от металлического листа во дворе его нового дома, вопль Джо и женский визг. Дверь распахнулась и с шумом ударилась о стену. В комнату влетел Морган и захлопнул ее. Его белесое потное лицо было как во сне. Он схватил своей мокрой рукой Кори за голову, и стал сжимать.

Кори знал, что в приступах больные невероятно сильны и пытался с ним говорить.

– Морган! Морган, ты должен меня отпустить. – Кори старался говорить строго и уверенно, как советовали учебники, но его голос был жалким писком, как у испуганной мыши.

Чарльз залез на стол, насколько позволяла длинная цепь наручников, пропущенная через кольцо в столе, и ударил Моргана по спине.

– Эй, свинья! – еще удар. Морган отпустил голову доктора и швырнул его на пол, будто тряпичную куклу. Чарльз смог набросить свою цепь на одну из рук Моргана. Свободной рукой Смит ударил его о стол головой.

– Охрана! Джо! – звал Кори, валяясь на полу. К ним пробивались через железную дверь. Замок заклинило от удара, и они оказались заперты. Кори слышал, как одна из сестер послала за пилой.

Цепь соскользнула с плеча на запястье. Кори не видел из-за широкой спины, что происходит, но слышал удары и хруст Чарльзовых костей. Нужно было что-то делать. Крашер не сможет его удерживать. Нашупав в кармане челюсть, Кори взял ее как кастет, поднялся, и собрав все свои силы и страх ударил по толстой щеке Смита. Смит поплыл от удара, и Чарльз накинул ему цепь на шею.

– Бей его, Виски!

Это звучало как приказ. Кори перехватил челюсть крепче и ударил еще раз. Рассек щеку. Но увидев кровь, Кори отшатнулся и разжал руку, протез выпал. Он бьет больного. Он бьет человека.

Пила взвизгнула в последний раз. Охрана и Джо ворвались в комнату. Смита ударили несколько раз дубинками. Лично Джо дал ему в морду с такой силой, что на пол выпал кровавый зуб Смита. Медбрату от него тоже хорошенько досталось.

Моргана удалось повалить на пол, двое охранников держали руку, сестра делала укол. Она раз семь тыкала его иглой, прежде чем попала в вену. Морган обмяк. Его погрузили на металлическую каталку и увезли.

Алабама, Отектвуд, лечебница, корпус Б. 8:10 р.т.

Кори сидел на кушетке и болтал ногами, как ребенок в очереди на прививки. Руки еще немного тряслись. Доктор Бердс копался в его волосах и прикладывал марлевый шарик к ссадинам.

– До свадьбы заживет, доктор Лоусон.

– Что там с персоналом?

– Один охранник мертв, сестра Вайлд в реанимации с травмой головы, Джо отделался синяком. Привыкай студент.

– А Крашер?

– Крашеру и ядерный взрыв нипочем. Только морда разбита. Ох завтра Шварц нас поймает. Всю смену лишит стимулирующих.

– А это сколько?

– Это семь сотен, Кори.

Кори не знал зачем спросил про деньги. Он не видел ни сестру, ни охранника. Видел лишь два кровавых следа на серой стене.

Они с Бердсом зафиксировали осмотр хирурга после нападения пациента в журнале и Кори был свободен. Он встретил в коридоре такого же бодрого Джо, с мешочком льда на лице.

– Ни испугался, Лоусон?

– Если честно, то чуть не обделался.

– Да. Если бы не Крашер, он размозил бы тебе череп, как Робу и Рокси.

– Пожалуй, нужно поблагодарить его. Он в перевязочной?

Джо кивнул и Лоусон направился в перевязочный кабинет.

Чарльз лежал на кушетке, пристегнутый мягкими фиксаторами и рассказывал сестре Грегсон, как один из пациентов два года назад выколол санитарке глаза.

– Как ты, Чарльз?

– Шрамы украшают мужчину. – ответила Грегсон и скрылась за перегородку мыть руки.

На лбу, щеке и губе Крашера красовались кривые швы, сделанные черными нитками. Чертова деревня до сих пор использует не рассасывающийся шовный материал. Шрамы останутся на всю жизнь.

– Виски! Ты цел? Ты бил его зубным протезом?

– Спасибо тебе.

– Пустяки. – Чарльз гремел фиксаторами. – Нечего трогать моего доктора. Слышала Грегсон? Кто обидит моего доктора, тому устрою ад на земле. Не парься, Виски. Комиссия достанется Фареллу, а тебя тут и не было.

– В каком смысле?

– Я слышал, что Шварц забыл внести тебя в базу и графики. Формально, ты не числишься среди служащих больницы. И я сказал, что ты провалялся в углу, наделав лужу, а избил я Моргана сам.

– Зачем?

– Что бы все меня боялись! Виски, не тупи! Эй, Нат, Виски проводит меня в камеру. Расстегни ремни.

Сестра Грегсон сняла фиксаторы, надела на Крашера обычные наручники и передала больного Лоусону.

Два коридора и больничный двор. Вся охрана была сконцентрирована на Моргане Смите. Идеальный момент для побега. Кори отстегнул один браслет и надел на свою руку.

На улице было темно. Фонари были только за территорией больницы. Так что не Лоусон вел Крашера в камеру, а Крашер его.

– Ты говорил о кошмарах, почему?

– Приснился?

– Нет. – соврал Лоунсон.

– Врешь, Виски. Впервые за десять лет? Или больше? Это место. Этот город. Ты знал, что здесь самый большой процент душевнобольных на сто тысяч человек в штате?

– Население всего тридцать тысяч. Ты думаешь, что причина болезни этот город?

– Я не думаю, Виски. Я знаю.

Мимо пронеслись двое санитаров с каталкой. Судя по крупной фигуре под простыней, это был охранник Роб.

Кори хотелось что-то сказать. Открыть Крашера для душевной беседы. Но в голову не приходило ничего путного.

«Путного. Фраза то какая провинциальная. Нужно убрать ее из словарного запаса.» – подумал Кори.

Яркий свет впервые горел во всех коридорах. Место убийства Роба было отгорожено тумбочками и ведрами. Заключенные не спали из-за включенных ламп и бесновались.

– Дьявол рядом! Держит вас за руку! Никому не избежать страшного суда. Господь накажет каждого из вас. За грехи ваши, детей ваших и отцов ваших. Ибо вы их воплощение и продолжение! – вопил Рафаэль, но замолк, когда Крашер и доктор Лоусон остановились у камеры.

– Порождение зла. Выкидыш дьявола! – указывая на Чарльза пальцем закричал Рафаэль.

– Ты без очереди в моем котле. – Чарльз звонко стукнул зубами перед самой решеткой палаты.

– Эй! Сладкая парочка! – в коридоре показалась доктор Калуум. – Нечего тревожить моих больных. Хватит на сегодня.

– Добрый вечер, доктор Калуум. – сказал Кори.

– Привет, Барб. – улыбнулся Чарльз, растягивая мимикой свежие швы.

– Рафаэль последнее время очень беспокоен. Вы как ребята? слышала Мейсон здесь отличился?

– Он чуть не убил Виски. Если бы не я.

– Зачем ты приковал его к себе, Кори? Крашер у нас больше не сбегает. Да, Чарли?

– Нас и здесь неплохо кормят, Барб.

– Я отведу Каршера. Иди отдыхай, Кори. Ты сегодня насмотрелся.

Кори передал ключи Калуум.

– До завтра, Виски! – прозвучало за спиной.

Алабама, Отектвуд, 11:10 p.m.

Для уборки было поздновато. Кори выставил чистящие на столе, разложил на диван пленку, сверху постель из до сих пор не разобранный чемодана и лег. Он и не знал насколько устал. Диван Эйприл, автомобильное кресло. Кори привык к ортопедическому матрасу, что остался в Нью-Йорке.

Нью-Йорк. Там уже полночь. Но Рей, наверняка не спит. Кори набрал номер.

– Привет работникам здравоохранения. – веселый голос Рейчел возвращал его домой. Шум Нью-Йорка доносился из трубки. Рей гуляет. Голоса ее подруг тоже доносятся до уха Кори.

– Как твои дела?

– Гуляю с Кейт с рентгенологии и другой Кейт. Ты как, братик?

Кори не стал волновать сестру и рассказывать подробности.

– Доктор, к которому я прикреплен, похоже, ушел в запой. Так что на меня взвалили всех пациентов. Устал как собака.

– Ну и как там больные? Есть Наполеоны? Эксгибиционисты? Наполеоны эксгибиционисты?

– Есть помешанный на гражданке, но не пациент, а врач. Есть адвокат по делам недвижимости, который носит твидовый пиджак и памперс, и разговаривает по тапочку. Есть сексуальный маньяк весом почти в центнер. Дамочка, поедающая матрасы и высокофункциональный социопат убивший двадцать восемь человек. А может и больше. Я планирую написать по нему работу.

– А мы сегодня ходили по магазинам. Я купила новый купальник и тебе футболку. С героями стар-трека. Тебе ведь он нравится?

– Спасибо, Рей.

– Я скучаю. Приезжай скорее. Мы идем в Бойлер рум сегодня.

– Обещай употреблять только алкоголь. Я знаю, что творится в бойлере.

– Я приличная девушка. – сказала Рейчел и смех ее подруг чуть не оглушил Кори.

– Давай без приключений. Я ложусь спать. Люблю тебя, сестренка.

Кори включил будильник на семь часов. Холодильник больше не шумел. Во дворе тоже было тихо. Но сон не шел. Кори лежал и думал, зачем Крашер спас его? Смит не проявил к Чарльзу никакого внимания. Он целенаправленно шел к нему. Крашер мог спокойно наблю-

дать за тем, как Морган ломает Кори череп, но он вмешался. Не похоже на социопата. Он не думал о своей безопасности в тот момент. Смит превратил его лицо в отбивную. Чего Крашер добивается? Один из его планов воздействия?

Кори моргал. Нельзя доверять Крашеру. Нельзя допускать даже мысли о том, что он проявил сочувствие. Крашер манипулятор. Крашер болен.

Кори прикрыл глаза, и фрагменты недавнего кошмара всплыли под веками. Маска, отрывающаяся вместе с кожей его сестры. Ее крики. «Помоги мне Кори.»

Лоусон распахнул глаза. Рейчел в норме. Она отдыхает в Бойлер руме с подругами. Она в Нью-Йорке. Не в это дыре.

Кори встал с дивана, прошелся по комнате. Оставленные им бутылки и разбросанный хлам из кладовки никуда не делись. Так бывает, когда живешь один. Сна все равно не было. Кори открыл кран, достал бутылки, тряпки и тазы. Самое время для уборки, раз заняться больше нечем. Лоусон залил все поверхности и пол чистящим раствором. Воздух наполнил запах лимона и хлорки. Столы, стулья, диван окна.

Грязь оставалась на месте, но приложи усилия, и она уже стекает черными каплями в тазик. К половине третьего бывший сарай сверкал. Деревянные полы, влажные от уборки разбухли. Разделочный стол и раковина сверкали чистотой. Окна блестели в свете одной лампы. Каждый угол Кори промазал отравой для насекомых. На часах было три двадцать. Кори не чувствовал усталости. Дом пах чистотой. Завтра нужно будет забить холодильник. И можно будет позвать в гости Эйприл, если она захочет с ним говорить. Кори казалось, что он обидел ее в последнюю встречу.

Дабы не портить воздух Кори вышел покурить на крыльцо. Ночь была теплой. Воздух лесным и свежим. Кори хорошенько надышался чистящими и хлоркой. На улице его голова клонила к груди. Сигарета выпала из расслабленных пальцев.

***

Из деревянных бараков с забитыми окнами выглядывали лица индейцев.

– Генри спятил. – ворчал Остин и дымил своей трубкой.

– Генри все правильно делает. Они ни черта не работают. За четыре месяца мы ни на тонну не догнали другие рудники. Они убили Боба, Джорджа, Джона, Сэмюэля, Кристиана, завалили третий выход. Может так они станут нас бояться.

– Господь накажет Генри за его дела. Нельзя так с людьми, даже если они дикие. Нельзя разделять их словно поросят. Ты его друг, Лукас. Поговори с ним.

Лукаса разобрала злость. Дома Дороти вечно скулит и просит уехать. Теперь Остин начал эту песню. Никто не хочет работать. Все хотят только получать денежки да плевать в потолок.

– Сам ему и говори! Я тебе не гонец! Эй, ленивые ублюдки! Уголь сам себя не добудет. – Лукас снял замок и из барака повалила толпа мужчин. От яркого снега они щурились и закрывали глаза. Тонкая роба трепалась на ветру. Сам Лукас был в лисьей шубе, шапке и перчатках. Из его рта шел пар. От тел шахтеров тоже шел пар. Они бегом бежали к штольне.

Остин стоял рядом с мушкетом и пересчитывал их, хлопая рукой по головам.

– Шевелитесь! Живее! Удачи, Лукас. – Остин забрал у Лукаса масляную лампу и передал газовую, второй мушкет и длинную палку.

– И тебе, Остин. – Лукас махнул старику и скрылся в штольне.

Сомнобулия

Алабама, Отектвуд 4:50 а.т.

Кори проснулся от холода. Грудь и шея болела. Каждый вдох царапал горло. Кори заснул прямо на крыльце. На кофте осела роса. Кори встал. Потянулся. Запахнулся. Его окружал густой влажный туман. Кори открыл дверь, схватил рюкзак и выбежал за калитку. Видимость – вытянутая рука. Подсвечивая телефоном Кори, пошел по узкой тропинке.

Туман сгущался. Кори смотрел себе под ноги, пока не наткнулся на деревянный низкий забор. Это странно, ведь больница окружена высоким металлическим. Протерев конденсат на очках, Кори увидел, что пришел совсем не туда. Перед ним стояли ряды аккуратных крестов. Кладбище.

– Черт! – выругался Кори и посмотрел на часы. Пять десять утра. Он мог еще спать. Мог почитать.

Кори уже было развернулся обратно, но кладбище манило его. Приключения, неизвестность, адреналин. В десять лет, любая новая улица – это исследования и загадки. В двадцать пять, это духота подземных переходов, пробки и опоздания на лекции. Приоткрыв скрипучую калитку Кори, вошел. Кладбища его не пугали. Это место памяти, скорби и успокоения. Это история. Кори был на кладбище два раза. Первый он был еще ребенком. Умер кто-то из дальних родственников. Второй раз в школе. Его сокурсник погиб в аварии. Оба раза падре читал речь. Женщины плакали, мужчины раздували ноздри.

Здесь туман был гуще. Как в вату, в него можно погрузить руку по локоть.

Дугарт Смит. Любящий отец и почетный шахтер. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый – две тысячи первый. Клинтон Эдисон. Отец, муж, солдат. Навсегда. Тысяча девятьсот сорок второй – две тысячи пятый. У могилы лежали увядшие, но не засохшие цветы. Томас Розенталь. Любимый сын. Тысяча девятьсот девяносто четвертый – две тысячи второй. У креста сгнившие плюшевые игрушки, солдатика, машинки. Могила ребенка нагнала на Кори печаль. Он отключил фонарик и поспешил прочь. Кресты располагались все плотнее и плотнее, Кори спешил. Пальцы больно ударились о корягу. От боли Кори потерял равновесие и упал.

Вот теперь он точно проснулся. Его окружала сырая земля. Наверху густой туман.

– Помогите! – завопил Кори, но его никто не слышал.

Восемь футов вверх. Голова у Лоусона закружилась. Он упал на дно ничком, хоть сейчас землей засыпай. Ему захотелось плакать. Зачем он сюда вообще пришел?

Паника нарастала. Кори кричал, рвал землю руками, прыгал. Животный страх зверя, попавшего в охотничью яму.

Звонок вернул Кори в реальность. Незнакомый номер.

– Да! – крикнул Кори.

– Кори, это Алана Колбан. Шварц срочно вызывает тебя к себе.

– Алана, Я на кладбище. Я не могу выбраться.

– Кори, ты заикаешься. Ничего не слышу. Зайди к Шварцу.

Шварц вызывает Кори. После этой фразы вся паника и весь страх отошли на задний план. Общество побеждает природу. Кори уцепился за мокрую землю и выбрался наверх. Он упал рядом с крестом. В бога он не верил, но кому-то говорил: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Кори поднял голову. Свежая гравировка на свежем кресте. Верный друг, любящий муж Роберт Харрис. Тысяча девяносто первый – две тысячи девятнадцатый.

Роб. Охранник Роб, от которого осталось лишь пятно на стене в корпусе Д.. Его ждала домой жена. Он, наверное, хотел после смены встретиться с друзьями. Но один удар Моргана Смита перчеркнул все.

Кори прижал к себе рюкзак и побежал.

Он явился в лечебницу весь в земле. Алана обеспокоенно крикнула ему что-то вслед. Мириам отчитала за грязные следы на только что вымытом полу.

– Доктор Шварц, вы хотели меня видеть?

– Да, доктор Лоусон. Есть разговор. Вы в порядке? Вы весь в земле! – доктор Шварц проявил беспокойство и в тоже время брезгливость. Ведь Кори запачкает его кресла.

– Это из-за Моргана Смита? Я виноват. Я не проявил должного контроля.

– Нет. Смит здесь не причем. Он забота дежурного доктора. На вас жалуются сестры и санитары. Вы слишком грубы с ними.

Кори замер, вспоминая, когда это он был груб? Никогда. Он обращался на вы. Говорил пожалуйста.

– У нас мало персонала и много работы.

– Я не требовал от них ничего, чтобы не входило в их обязанности. И если я кого-то обидел, то я не хотел.

– Не нервничай, Кори. Ты новый работник. Конфликтов не избежать. Но я вызвал тебя не поэтому. Доктор Фарелл разрешал тебе вносить свои назначения?

– Да. Нет. Не знаю. Доктор Фарелл заболел. Я взял на себя его работу, я что-то сделал не так?

– Твои назначения подразумевают превышения стандарта койко-дней. И выходят из перечня услуг медицинской страховки. А это деньги. Мои деньги, твои деньги. Зарплаты всех работников зависят от этого. А у всех семьи, дети. В школе тебе говорили совсем другое.

– В школе мне говорили, как лечить. Как выводить из психотических состояний. Как вернуть пациента в общество. Как избежать инвалидизации. Ваши сестры не соблюдают ни одно из правил асептики и антисептики. Ваши санитары оскорбляют пациентов.

– Доктор Лоусон, вы слишком много на себя берете! – Шварц вмиг стер свою напускную заботу. – Пока вы в Отектвуде, будьте добры соблюдать правила и не указывать мне на недостатки, о которых мне и так известно. Если вы не хотите проходить практику, это ваше право.

– Извините, доктор Шварц. Мне стоит написать отказ от практики.

Злоба на лице Шварца, вновь сменилась деревенской добротой.

– Не надо, Кори. Я не буду подписывать твое заявление. Ты не мальчик. Ты будущий врач. Ты должен понимать все нюансы. Медицина тонкая наука. Подумай хорошенько, прежде чем принимать решение. Я надеюсь, завтра увидеть тебя на обходе. Твои назначения верны. И будь я твоим преподавателем ты бы ушел с пятеркой. Но я не твой преподаватель.

– Да, доктор Шварц. Я вас понял. – выдавил из себя Кори. Ему хотелось вернуться в Нью-Йорк и рассказать обо всем в школе. Ему хотелось закрыться, никого не слышать и никого не видеть. Бросить медицину и устроится в Макдональдс. Зачем он четыре года учил фармакологию, если все его назначения противоречат стандартам. Зачем быть доктором, если можно быть менеджером. Зачем лечить, если больные кормят чьи-то семьи.

– До завтра, доктор Лоусон.

– До завтра, доктор Шварц.

Кори вышел из кабинета. Грязная кофта все еще была на нем. И кабинет Шварца, был хуже могилы, в которую он упал утром.

Кори хотелось убежать, спрятаться в туалете и зануть, как это случилось во втором классе из-за первой и единственной двойки.

Но двадцатипятилетнему мужику не престало плакать по туалетам, поэтому Кори просто закрылся в кабинке и закурил. Если кто-то войдет, например, Мириам, то новость, что плохой доктор не только портит им план, но еще и дымит в служебных туалетах, разнесется по больнице.

Лоусон набрал номер сестры. Голос у нее был относительно бодрый, значит недавно встала.

– Привет.

– Рей, у меня проблемы.

– Ты переспал с кем-то из пациентов? – не раздумывая спросила Рейчел и Кори застыл с сигаретой на унитаза.

– Что?! Рейчел, это первое что пришло тебе в голову? Нет! Господи! Нет!

– Разве же это проблема? Семьдесят процентов врачей вступали в интимную связь со своими больными. А отец всея психоанализа дядюшка Фрейд делал это регулярно.

– Причем даже со своей дочерью. Рей! Ни с кем я не спал! – тем не менее от этого разговора Кори повеселел. Вот это было бы действительно проблемой. – Мой куратор ушел в запой вроде как. Я поменял его больным лечение, а главный врач сказал, что они так не лечат. Что видите у них режим койко-дней и им нужен постоянный оборот пациентов, а не здоровые люди. Выставил меня монстром, который отбирает хлеб прямо изо рта детей докторов. Я не для этого учился.

– Спокойно коллега. Вы попали в систему и испытываете диссонанс. Принимайте все как есть утром и вечером. Жить будете до глубокой старости. Именно поэтому я выбираю частную практику и узкую специализацию. Стационары – это большие конгломераты, как эплл или сименс, убивающие индивидуальность и превращающие людей в роботов с нервным тиком и язвой желудка.

– Слишком утопично.

– Я надеюсь, ты не откажешься от практики из-за такого пустяка?

– Минут пять назад хотел. Спасибо.

– Держись там. Пока.

Кори побрызгал дезодорантом следы своего преступления, смыл окурок несколько раз и отправился в кабинет.

Доктор Фарелла он там совершенно не ожидал увидеть.

– Выздоровели?

Без единого слова Фарелл достал вторую кружку с надписью «доктор №1». Разлил остатки скотча, который видимо он пил с утра и доктора молча выпили.

– Почему я делал все правильно, но в итоге остался идиотом?

– Это называется самоанализ.

Кори повеселел. Скотч развязал ему язык. В мокрой кофте стало жарко.

– Ты по земле валялся что ли? – Фарелл заметил грязные руки. Кори и остатки земли на вязанной кофте. – Нашел из-за чего! Мне вот ему на глаза лучше неделю не попадаться.

– На меня даже в детстве мать не кричала.

– У тебя много ассоциаций с детством. Это признак инфантилизма. Ну да ладно. Будем разделять и властвовать! Я буду заниматься корпусом Б. А ты корпусом Д. Делай с ними, что хочешь. Выписывать их не надо, большая часть из них в Отектвуде навсегда. Полисов у них нет. Только барокамеру не назначай. Это платная услуга.

– Я хочу лечить людей. Я не хочу быть надзирателем!

– А я хочу ехать в одной телеге с Джозефом Уилером где-то под Мурфрисборо и слушать как оркестр играет синий флаг Бонни! Но, к сожалению, мне нужно идти на обход и делать кучу выписок. В атаку мой друг!

Атака закончилась так же быстро, как и началась. Пациентов позвали на обед.

Алекс сам взял порцию, сам вставил трубочку в коробку сока. Но Кори не мог его похвалить. Кори шел в корпус Д.

– Здесь занято, – Мириам отодвинула стул почти из-под Кори. – Это место сестры Эдисон.

– А здесь я воду разлил. – сказал санитар Ли.

Кори молча уселся на диван. В столовую вошла сестра Эдисон. Он о ней слышал, но не видел ее. Это была пожилая женщина, худошавая, улыбчивая.

– Приятного аппетита. Ты же Кори? Практикант? Чего сидишь там?

– Места нет.

– А мы сейчас подвинемся. – Ирен быстро организовала место для Кори. Пододвинула ему чашку с конфетами.

– Ты не местный?

– Я из Нью-Йорка.

– Ой я была там в молодости с мужем. Красивый город. Большой. Женат? Детишки есть?

– Нет. Я еще медицинскую школу то не закончил.

– Ну это дело поправимое. У нас тут много девчонок молодых.

– Да я видел.

– Проститутки они все! – сказал Ли.

– Ну ка не выражаться.

– Доктора к нам сослали, он накосячил. – Мейсон гадко улыбался и Кори не мог понять почему. Он ведь ни сделал ему ничего плохого. Они нормально общались и у них не возникло ни одного конфликта.

– Ну и хорошо, что сослали. У нас тут спокойнее и порядка больше.

Кори не слушал, что болтает Ирен. Он пытался найти для Мейсона колкий ответ. И он нашелся. На шее у Ли была дешевая цепочка, от которой на коже оставались зеленые разводы.

– Я тоже был в Нью-Йорке. И в Вашингтоне был. И в Майами. Ничего интересного.

– Ты бы сэкономил на следующем путешествии и купил нормальную цепочку. А то этой у тебя на шее плесень.

– За собой следите! Какая вам разница! – из язвительного шутника, Ли вмиг превратился в фурию. Он швырнул свою кружку на стол и выбежал из столовой.

– Опять выделяется. Не обращай на него внимания. Он человек настроения.

После обеда Лоусон понял, что за развлечение «злить Ли». Он стучал шваброй по решеткам. Оскорблял больных, посылал к чертовой матери сестер, с просьбами сходить на склад или отнести анализы. Под его визг было невозможно работать.

– Как зовут твою маму?

– Деби. Дебра.

Кори смахнул пот со лба.

– Чем ты любил заниматься в детстве? Мне нравился конструктор.

– Алан Дастин. Армия США. Личный номер сто два ноль девяносто два....

Кори хотелось биться головой об решетку. Два слова. Два, за полтора часа. Кори выдохнул.

– Сержант Алан Дастин!

– Я. – немедленно отрегистровал Алан.

Лоусон чуть не прыгнул от радости.

– Где вы находитесь, сержант?

– В Алеппо, сэр.

– Черт. Нет. Вы находитесь в США. Отектвуд, штат Алабама.

– Повторяю, я нахожусь в США. Отектвуд. Штат Алабама.

– Можешь отдохнуть сегодня, сынок. – разрешил Кори.

Лоусон выдохся, будто весь день таскал мешки с картошкой. На часах было почти три дня, а он осмотрел только одного пациента.

– Давай! Поднимай свою черную задницу и дай мне помыть. – раздался воплю Ли из пятой палаты.

Кори немедленно пересек коридор. Ли стоял возле миссис Бригс. Она замешкалась, и он пнул ведро ей под ноги. Женщина поскользнулась и упала.

– Что ты только что сказал?

– А ты глухой?

– Повтори еще раз, как ты обратился к больной Бригс.

– Не нравится, сам мой! — Ли бросил швабру под ноги Кори и ушел.

– Миссис Бригс, разрешите вам помочь.

Женщина не испугалась в этот раз. Она отмахнулась и поднялась с пола сама, отряхивая пижамные штаны.

– Мейсон всегда называет вас так?

– Черной задницей? Бывает и хуже.

Кори опустил глаза. Он не знал, что делать в такой ситуации. В Нью-Йорке, за подобное поведение можно было вмиг вылететь с работы и даже получить арест и штраф. Кори заметил на плече Латаши несколько неглубоких ссадин. Спрашивать он не стал. Латаша и так сделала огромный шаг. Не закричала и не испугалась его.

– Знаете, что мы с вами сделаем с Мейсоном?

– Убьем его. – воодушевленно сказала Латаша.

Кори бы с ней согласился. Но доктор Лоусон достал из папки чистый белый лист.

– Мы напишем на него жалобу. Оскорбление личности, расизм.

– Они не поверят мне.

– Я вам верю. Я все слышал и видел своими глазами. Я вам верю, Латаша. – Кори протянул листок с ручкой и Бригс осторожно забрала их.

Помогать Кори не стал. А то еще подумает, что доктор считает ее неграмотной.

Палата Моргана Смита была пуста.

– А где Смит? – спросил Кори в пустоту. Кто-нибудь да ответит.

– Сдох! – недовольно ответил Мейсон и Кори решил подойти к сестре Эдисон.

– Морган в палате интенсивной терапии.

– Переведите его обратно в отделение.

– Доктор Фарелл ничего не говорил мне об этом.

– Мы с доктором Фареллом распределили обязанности. Он занят корпусом Б. А я работаю здесь. – строго сказал доктор Лоусон. – Заберите больного и историю, когда будете свободны сестра. – добавил Кори.

– Я пошлю санитаря с охраной.

– Спасибо, сестра.

– Только нужно забрать его вещи со склада. Я не могу оставить отделение, а Мейсон сегодня не в духе. Заберете его вещи.

«Еще бы я чужие трусы догонял по больнице!» – чуть не сказал Кори, но тут же осекся.

– Договорились, сестра.

Половина третьего. Склад закрывался в четыре и Кори отправился в корпус Ц.

На улице стояла жара. Кори пожалел, что оделся тепло с утра. Эндрю косил траву, распространяя по территории ее прелый свежий запах. Кори вспомнил ферму дедушки и бабушки в Пенсильвании. Там так же пахло.

На складе было прохладно, но пахло отвратительно. Грязные личные вещи просто сваливались в пакеты, подписывались и сдавались на склад. Это Кори знал.

За деревянным столом сидела нескладная брюнетка и листала журнал.

– Добрый день, я доктор Лоусон. Могу я получить вещи Моргана Смита. Сданы были четвертого августа.

– Добрый день, доктор, – кладовщица выпучила на него глаза. – Разумеется.

Кори думал, что она пойдет искать и ему долго придется стоять и дышать этой вонью, но девушка вытащила пакет из-под стола и протянула Кори.

– Распишитесь вот здесь, доктор, – подвинула она к нему толстую тетрадь. – Вы недавно работаете, да? Меня зовут Диана.

– А меня Кори. Очень приятно.

– Я работаю до четырех.

– А я пока все не сделаю. – Кори растерялся.

– Мама сегодня дежурит, а брат будет пропадать в баре. Не хотите сходить ко мне в гости?

Кори хотел провалиться под пол, а не в гости. Его пугали подобные разговоры, пугала настойчивость и пугала Диана.

– Простите, Диана, но боюсь моя девушка не одобрит, мой поход в гости к вам.

– А как зовут вашу девушку?

Этот разговор не шел уже не в какие рамки. Но Кори и так обвинили в грубости. Да и не хотелось обижать эту глупую дамочку.

– Эйприл. Ее зовут Эйприл.

– Она работает в Билле?

– Мне пора. Меня ждут больные, до свиданья, Диана. – прижав к себе мешок, Кори чуть ли не бегом покинул склад.

Моргана еще не перевели. И Кори был этому рад. Видеть его, последнее, что он хотел.

У пациентов настало время прогулки перед ужином.

Прогулка в корпусе Д, отличалась от прогулки в корпусе Б. Там пациенты могли гулять в любое время с одиннадцати до часу и с четырех до шести. Они сидели на лавочках, читали книги на свежем воздухе, прогуливались, встречались с родными, собирали траву и цветы для поделок на творческих терапиях.

Прогулки в корпусе Д выглядели иначе. Брат Гаррисон, два санитары и два охранника выстраивались вдоль коридора. Поочередно они открывали двери палат, надевали на больных наручники, а потом выводили колонной в отгороженный двор. Там они встали по периметру и наблюдали. Долго сидеть нельзя. Долго ходить по кругу тоже. Прогулка продолжалась час. Можно было поиграть в мяч и шахматы, если охрана в настроении, но подобное мало кого из больных интересовало.

– Джо! – Кори подошел к брату Гаррисону. Он стоял смирно. Больных выпускали из палат.

– Джо, могу я присутствовать на прогулке?

– Конечно, док. Только не нервируй их. На улице мы можем не успеть среагировать вовремя, если на тебя опять нападут.

Кори насупился. Видимо нападение Моргана ему будут припоминать все оставшуюся практику. Они вышли на улицу, Лоусон присел на скамейку. Пациенты сделали первый круг. Кори наблюдал за Крашером. Он бодро шел в середине и вдруг начал петь на весь двор:

– По кладбищу гуляю я,

Лежат тут все мои друзья!

Я пришел на кладбище,

Здравствуйтесь товарищи.

Пациенты оживились. Кто-то подпевал. Тут Чарльз притормозил и выставил подножку одному из больных. Он упал в грязь, чем вызвал всеобщую панику. Охранник засвистел в свисток. Брат Гаррисон принялся разгонять столпотворение вокруг упавшего. А Крашер быстро отошел и сел рядом с Кори.

– Привет, Виски.

– Хорошо поешь.

– Мейсон тебя невзлюбил.

– Мне все равно.

– Он давно здесь работает. Сжил много сестер и докторов. Любит жаловаться и подбивать остальных. А его любят за то, что в любое момент он готов выйти на смену и делать любую грязную работу. – шептал Чарльз, прищуривая от солнца глаза.

– Десять минут, Крашер! В камере зад будешь просиживать! Давай гуляй!

Крашер поднялся и Лоусон вместе с ним. Они, не спеша двинулись по кругу.

– Я думаю, что Мейсон не здоров. Его приступы агрессии, истерики, перепады настроения. Недостаток внимания. Ему бы посетить хорошего психолога. – болтал Кори. Честно говоря, Крашер, единственный во всем Отектвуде с кем можно было нормально поговорить. Он не перебивает, не дает очевидных советов, не пытается доказать Кори, что тот просто не опытный амбициозный студент. Идеальный собеседник.

– Как ты себя чувствуешь. Как швы? Кто тебе делал сегодня перевязки? – Кори взглянул на криво наклеенные на лицо салфетки.

– Я сам. Ирен бросила мне пластырь и упаковку материала. Она боится ко мне подходить.

– Так дело не пойдет. – Кори отлепил пластырь от брови Крашера и разгладил по лбу.

– У тебя руки грязные, Виски. Ты что в земле рылся?

– Нет. Это просто... Железо. Ликфер. Сестра пролила, я помогал вытирать.

– Научись врать, Виски.

Они снова сели на скамейку. Пациентам дали волейбольный мяч, и кто-то пнул его ногой.

Охранник засвистел. Мяч отобрали.

– А я думал, только у нас в школе в тренера вселялся дьявол, когда мы пинали волейбольный мяч.

– Это во всех школах. Наверное. Я спортом не занимался. Я в шахматный класс ходил.

– Я тоже. Что ты почувствовал, когда узнал, что из-за твоей взрывчатки в школьном туалете погибли люди?

– Страх. Власть. Адреналин. Будто прыгнул в озеро с тарзанки.

Свисток охранника прервал разговор. Все пациенты встали в строй и стали спускаться в подвал.

Кори хотел еще поработать, но в кабинете Фарелла, уже был сам Фарелл. И Барбара Калуум. Они распивали Джим Бим. Барбара запивала коробочным соком, что дают для пациентов.

Алабама Отектвуд 8:50 р.т.

– И Хлоя выливает ему пиво прямо в рожу. Кто-то из посетителей прибавляет музыку и дальше просто сцена из боевика.

– Весело у вас. – Кори засмеялся. На улице смеркалось. Он шел по улице с банкой сидра без бумажного пакета. Эйприл обнимала его за шею, а он ее за талию.

– А у тебя как на работе?

– Как в дурдоме. – ответил Кори и Эйприл звонко захохотала на всю улицу, привлекая внимание прохожих.

Кори наклонился и поцеловал ее. Телефон вибрировал в кармане, но Кори не обращал внимание. Все дела подождут.

– Видишь того мужика?

– Того, что ссыт у магазина? – уточнил Кори.

– Нет! Памятник. Это этот. Как его...

– Джон Скотт. Основатель вашего города.

– Ну да. Тот мужик. Когда мне было семь я залезла на самый верх. На шляпу. Но не удержалась и упала. Папа нес меня и весь измазался в моей крови. Он привел меня к Ирен и она намазала мне голову и лицо зеленкой. Меня потом в школе называли Халком. Целый год.

– Халком? – Кори рассмеялся. – У нас тоже в школе был такой парень. Но зеленкой он не мазался. Его звали Брюс Бэннер. Тупой был, как пробка и тощий.

Они подошли к сытому Биллу. На крыльце толпился пьяный народ.

– Зайдем?

– Я там каждый день. Может просто погуляем?

– Эй, Эйприл! – девушку окликнул черноволосый мужчина. Вдрызг пьяный, он сидел на ступеньке у бара. Его качало в разные стороны. На рубашке были пятна рвоты. – Кто это с тобой?

– Не твое дело, Росс!

– Парень! Если не хочешь отсосать у всего города, не целуйся с ней! – крикнул пьяница, едва не упав на спину.

Духота. Сидр. Тяжелый день. Кори всегда старался избегать конфликтов. Кори старался не лезть в драку. Кори воспитанный и цивилизованный человек. Но Кори поднялся по лестнице и ухватил парня за рубашку.

– Кори! Пожалуйста! Оставь его!

Кори его и не трогал. Росс махал руками, избивая воздух. Он был настолько пьян, что не мог даже понять, кто держит его за воротник.

Наконец Росс выдохся. Он завалился на спину. Ноги его взлетели вверх и одна из них прилетела Кори прямо в лицо.

Если бы не перилла, Лоусон свалился бы с крыльца. Из сытого Билла вышли трое. Длинноволосый, деревенский Курт Кобейн, которого Кори видел на остановке, и бритый здоровяк в кожаной куртке на голое тело. Третьим был Мейсон Ли.

– Ты че чучело!

– Он Росса вырубил!

Тот, что был в куртке разбираться не стал. Он ударил Кори кулаком в лицо. Потом схватил за затылок и приложил о перила. В ушах зазвенело. Все вокруг поплыло. Боли не было, но Кори не чувствовал лица. Нос хлюпал кровью. Дышать было тяжело. Еще удар и Кори свалился с лестницы.

– Хватит! – кричала Эйприл, но ни Кори, ни остальные ее не слышали.

Все голоса и удары раздавались для Кори, будто из-за толстой железной двери. Услышав, полицейские сирены, парни бросили Кори на крыльце и пустились бежать вниз по улице.

– Айки! – Эйприл бросилась навстречу шерифу. – Они побежали вниз.

– Эйприл, Какого черта тут случилось? – шериф Айк жевал фильтр сигареты, не обращая никакого внимания на пострадавшего.

– Росс и его дружки избили человека!

– О, студент! – шериф наконец заметил Кори, зажимающего свой нос. От вида собственной крови на руках у Кори кружилась голова. А еще от сидра.

– Ты как? Скорую вызвать?

– Нет. Я в норме. – еле проговорил Кори.

– Росс, кончай валяться! – шериф пнул пьянчугу в бедро. – Поехали.

Алабама, Отектвуд 12:10 p.m.

От табака шерифа у Кори першило в горле. Ему дали пачку влажных салфеток, чтобы заткнуть нос и не пачкать стол.

– Росс Эдисон, Мейсон Ли. Других ты не можешь назвать?

– Я не знаю кто это.

– Ах да. Ты же не местный. Подпись – вот здесь и здесь. Кровью не замажь. Теперь свидетельница.

– Я не буду ничего подписывать.

– Значит свидетелей нет. Вы свободны.

Кори вышел из участка. Ночь была душная. Салфетки кончились. Кровь из носа капала на рубашку.

– Кори, пошли. У меня дома есть лед.

– Я пойду домой. – Кори вцепился в перилла.

– Куда ты пойдешь? Ночь на дворе!

– Почему ты отказалась подписывать мои показания? Ты боишься их?

– Мне еще жить здесь, Кори. Ты что, совсем ничего не понимаешь? – закричала Эйприл, но тут же утихла. Они ведь были на крыльце участка шерифа.

– Я не понимаю, почему нельзя сказать правду о том, что видела. Почему нельзя сказать отцу, что позвала к себе парня. Почему нельзя лечить людей, так как преподают в школе. Я, наверное, очень тупой! – Кори утер кровь с носа и спустился с крыльца участка.

– Кори, постой. Ты прав, – Эйприл прижалась к плечу Кори. – Я боюсь их. Я не хочу, чтобы в городе обсуждали, что посадила сыночка матери Терезы – Эдисон. Я не хочу станвиться частью какого-то дерьма.

– А как же Монтгомери и макдольдс?

– Это мечта. Прости, Кори. – Эйприл отпустила руку Лоусона и отошла.

– Это ты меня прости, Эйприл. Я не прав. А если прав, то нет никакого в этом смысла. – Кори подошел к Эйприл, взял лицо девушки с свои ладони и поцеловал. Кровь с его носа размазывалась по щекам Эйприл, но обоим было на это наплевать. Кори целовал девушек раньше, но после такого разговора никогда. И никогда при этом у него не шла носом кровь Духота, сместившаяся перегородка и чужие губы не давали вдохнуть воздух полной грудью.

Алабама, Отектвуд 6:30 а.т..

Назойливый будильник Эйприл и кот, гулявший по груди Кори, разбудили доктора. Кори не чувствовал лица. Пол ночи Эйприл прикладывала его разбитому носу замороженную курицу. Сейчас она мирно спала рядом.

У него болела голова, он спал, не снимая перепачканной кровью из собственного носа рубашки. Теперь Рейчел может гордо не называть своего брата задротом. Он надел шлепанцы отца Эйприл на босые ноги и вышел во двор курить. В рубашке и в трусах. В дыры в заборе он видел таких же соседей. Они сидели на ступеньках в трусах, шлепанцах и курили. Они вздыхали и кашляли. Их лица были опухшими, не выспавшимися и совершенно безрадостными. И Кори выглядел так же. Он идеально вписывается в деревенскую тоску. И от этого ему стало еще грустнее.

Утро в городе было солнечным, но к лечебнице солнце будто не могло пробиться из-за окружавшего ее леса, высотой до небес.

На Кори все пялились. Больные персонал. Наверное, из-за разбитого носа. Но это был взгляд не сочувствия. Это был взгляд призрачения. Будто они знали какую-то его гадкую тайну.

Доктор Фарелл еще не явился. Кори еле нашел нужные записи в завале на столе доктора и отправился в корпус Д.

– Доктор Лоусон, вас вызывает доктор Шварц. – сказала Алана, встретившаяся ему в коридоре.

– Что-то случилось?

– Наверное, что-то случилось.

Кори перебрал всевозможные варианты событий. Но он действовал в точности как сказал Шварц. Никого не лечил, бюджет лечебницы не тратил и даже в столовой перестал есть.

Но картины, что он застал в кабинете Шварца, он точно не ожидал.

Сестра Эдисон, сидевшая на стуле и закрывавшая заплаканное лицо руками, упала перед Кори на колени и зарыдала.

– Доктор Лоусон, не губите моего мальчика. Я вам заплачу. Я вам последнее отдам. – она начала вываливать содержимое своей сумки в поисках кошелька, а Кори стоял, раскрыв рот и не понимал совершенно ничего.

– Машину мою заберите, – Эдисон бросила ему под ноги ключи. – Только прошу вас. – она схватила Кори за лодыжку с такой силой, что студент едва не упал.

– Сестра Эдисон! – Шварц все это время пытался ее позвать, а тут все же наклонился и поднял женщину с пола. – Хватит! Прекратите это!

Они вместе с Лоусоном усадили сестру обратно на стул и Шварц накапал ей в стакан воды валерьянки.

Она всхлипывала и трясущимися руками пыталась отпить из стакана, проливая его содержимое на юбку.

– Что я сделал? – к Кори вернулся дар речи.

– Вас вчера побили. Росс Эдисон. Да? Вы написали заявление. Это сын сестры Эдисон. Ночью ей позвонил шериф и сказал, что его задержали. У бедняжки ночью случился гипертонический криз.

– Так тот пьяница ее сын?

– Доктор Лоусон, сестра Эдисон работает у нас почти сорок лет. Она всю жизнь отдала этой больнице. – Шварц поднял ключи и вернул Ирен.

– Вы хотите, чтобы я забрал заявление? – Кори немного не понимал связи между его носом и добросовестным трудом сестры.

– Да, Лоусон. Если нужно, я сам тебе заплачу. – из уст Шварца это прозвучало так, что если Кори не заберет заявление, то его практика прекратиться так же быстро, как началась.

– Мне ничего не нужно, доктор Шварц. Я заберу свои показания.

Эдисон снова упала в ноги Лоусону с благодарностями. Шварц вернулся на свое место.

– Только завтра. Ли тоже вызвали к шерифу, ваша помощь может понадобиться в отделении.

Фарелл уже налил две кружки. Самый лучший доктор и доктор номер один. Надписи на кружках не соответствовали действительности. Надо было заказать принт Старый алкоголик и салага.

– Жаль Ирен. Муж хоть как-то держал Росса, а после его смерти, тот совсем распустился. Еще и дочь больная.

– Ему почти сорок лет. Он живет с матерью?

– Росс был женат, но они развелись. Жена бросила его и сына. Росс стал пить. Дочь Ирен – Диана, тоже больна. Она потеряла ребенка пять лет назад и впала в депрессию, которая переросла в психоз. Ирен устроила ее к нам на склад, чтобы приглядывать в случае чего.

Кори молча пил. Единственное, что хотелось спросить это: «В этом городе все слегка того?», но Лоусон был все еще очень воспитанным.

– Доктор Лоусон, не можете?

Лоусон осознал, что самый главный в больнице не доктор Шварц, а санитар Мейсон Ли. Переложить больного на каталку – Ли, съездить за растворами – Ли, кто-то обгадился – Ли. После трех часов работы в таком режиме, Лоусон уже был весь в поту и пятнах. Ясно почему Ли всегда такой неопрятный. Какой смысл стирать костюм, если через две минуты пребывания в стационаре на него кого-нибудь стошнит.

– Лоусон! Миссис Бексвор выстирала подгузник, повесила на батарею и не отдает.

Лоусон пошел в палату и с боем забрал подгузник у пенсионерки.

Остальные ее соседки поддерживали его и жаловались на вонь. Кроме одной. Она лежала под одеялом, слабо улыбалась и смотрела куда-то в потолок. Кори осторожно приблизился и уже хотел приложить пальцы на пульс, но женщина моргнула.

– Как вы себя чувствуете?

– Все нормально, спасибо.

В палате было достаточно жарко, учитывая, что окна выходили на солнечную сторону, но она была под теплым одеялом.

– Вас морозит? Или вам жарко? – Кори заметил на тумбочке стакан с водой и длинной трубкой, отрезанной от системы. – Откинуть одеяло? – Кори решил, что больная не может сделать этого самостоятельно.

– Если вам не трудно.

Кори убрал одеяло и увидел худое туловище в синяках от уколов. Руки отсутствовали чуть до середины плеча. Ноги до середины бедер. Кори видел ампутации и раньше, но это произвела на него очень сильное впечатление. Кори еще раз глянул на тумбочку. Стакан был грязный, со следами от чая и осадком на дне. Тараканы хозяйничали вокруг тоста, что остался с завтрака.

На коже были следы мацерации и куча ватных шариков, оставленных сестрами после инъекций. Одни свежие, другие уже достаточно грязные.

– Как часто сестры подходят к вам? – Кори принялся переворачивать женщину, подкладывая специальные резиновые круги под поясницу и плечи.

– Я не беспокою девочек. Ко мне придут дети, они все уберут и переоденут меня.

Кори вышел из палаты и застыл с подгузником в руках.

– Лоусон! Мистер Марк не может подняться с унитаза! Лоусон!

– А? – Лоусон пришел в себя? – Сестра Доу, а та больная с ампутированными конечностями?

– Миссис Игмен? В детстве заблудилась в лесу и отморозила себе руки и ноги. Вдобавок у нее деформация позвоночника.

– А с каким диагнозом она здесь?

– Истерический психоз. Муж сказал, что у нее частые перепады настроения, приступы агрессии. Его можно понять. Он за ней всю жизнь ухаживает.

– А сколько у нее детей?

– Восемь.

– Восемь?! – воскликнул Кори. – Но она же, больна!

– Игмены люди верующие. Раз господь дал ей столько детей, значит, он этого хочет.

Кори представил, какую нужно иметь психику, чтобы жить в такой атмосфере. Но это длилось недолго. Мистер Марк сам с унитаза не встанет.

– Лоусон! Нужно вывезти труп!

– Кто умер?

– Сестра Вайлд.

Лоусону помогала сестра Грегсон. Они переложили тело на каталку, накрыли простыней и повезли в подвал. Здесь стоял специфический запах формалина и мертвечины. Кори не любил его и не любил морги, куда их в школе водили на вскрытия. На первом курсе он завалился в обморок. Единственный из всей группы. Перебросив тело на железную полку, Лоусон застыл, прижавшись к холодному металлу.

– Доктор, вы идете или тут остаетесь? – Грегсон брякнула большим амбарным замком и Кори выбежал. На обратном пути ему удалось рассмотреть подвал. Кроме паталогоанатомической лаборатории и комнаты для хранения тел умерших, здесь должны были быть еще помещения. Кабели проводки и трубы, подразумевали здесь еще как минимум помещение в сто квадратных. Но других дверей Лоусон не увидел. Перед обедом его послали за скобами в архив к Миссис Томпсон.

Желтые стены архива, запах книг и милая седая старушка Томсон в больших очках делали это место уютным.

Прямо красовалась обширная военная хроника с изображениями врачей и раненых южан, и северян. И конечно американский флаг во всю стену.

На противоположной стене портреты выдающихся врачей, посещавших Отектвуд за все его существование и их годы пребывания здесь. Джон Мак, Павел Карпов, Петр Кашенко, Алоис Альцегеймер, Фридрих фон Йолли, Карл Клейст, Уго Черлетти. Седые и бородатые мужчины с фотографий сурово глядели на Кори, как бы говоря ему: «Ты никогда не будешь висеть на этой прекрасной стене, студент.»

В глубине архива была еще военная хроника. Жизнь больницы в период первой и второй мировых войн. Америко-японская война, вьетнамская война. Ее участники, что лечились здесь после службы. Больница оказывала большую помощь пострадавшим психически офицерам и солдатам.

Под пыльным стеклом лежали стеклянные шприцы, пробирки, планшеты, молоточки и фонендоскопы. На манекенах висели посеребрившие халаты и чепчики с крестами. Гальванометр и один из прототипов современных энцефалографов, больше напоминавший пыточное оружие нацистов. Даже металлическое кресло с ремнями. У Отектвуда здесь был свой маленький скромный музей.

Фотографии становились цветными, все ярче и ярче. Восемь молодых людей в белых халатах. Доктор Шварц, с густыми темными волосами, но уже в теле, доктор Калуум, молоденькая и стройная. Доктор Апекс самый веселый из всех молодых врачей, доктор Хамсвилл, такой-же угрюмый как и сейчас. Доктор Томоко – высокий азиат, которого Кори еще ни разу не видел в госпитале. Доктор Фарелл и его челка-забор, доктор Дэвис – ворчливый старикан из корпуса Д в молодости обладал внешностью смазливой актера и бывший главный врач доктор Брегг. «Молодые специалисты. Тысяча девятьсот девяносто первый год».

Кори смотрел на них и представлял себя через двадцать восемь лет. Он думал, что будет седым и в морщинах. Думал, что будет сидеть в плетеном кресле качалке, кашлять и играть в бридж со своей сестрой, седой старухой, любящей леопардовые сумки. Он ошибался. Все эти молодые врачи с фотографий не выглядят как старики. Они обычные взрослые люди. От осознания того, что жизнь после сорока есть, Лоусон повеселел. Забыл про Игмен, и семейку Эдисон.

– Могу я взять что-нибудь?

– Читайте здесь, если хотите. И не заляпайте страницы. – Томпсон уткнулась обратно в свой журнал о вязании, и незаметно для нее Лоусон засунул себе под халат пару подшивок из толстой картонной папки.

– Тогда дайте в корпус Б скрепок для степлера номер десять.

Дело шло к ужину, а Лоусон так и не осмотрел ни одного больного, занятый бегом с суднами и баночками мочи.

– Лоусон! Где тебя носит? Забыл, что сегодня санитарный день? – навстречу, расталкивая охрану спешил доктор Дэвис. Кори еще раз отметил, что он постарел сильнее всех. Только высокая прическа а-ля Элвис осталась, жидкая и с проседью.

– Я помогал сестрам в корпусе Б.

– В следующий раз, когда твои мелкие ручонки зачешутся написать что-то на Ли, воспользуйся стеной в туалете, а не заявлением у шерифа. Где мы найдем второго такого дурака? Давай приступай к помывке, тебе еще ночевать в этом свинарнике!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.